

A woman with long, dark, wavy hair is shown from the chest up, looking down and to the right. She is wearing a light-colored, textured sweater. Her right hand is raised to her chin, with her index finger resting against her cheek. The background is a dark, misty forest with the silhouettes of trees and branches. The overall mood is somber and contemplative.

ПРЫЖОК В НОЧИ

ЛЮДМИЛА ЕВСЮКОВА

Людмила Евсюкова

Прыжок в ночи

«Издательские решения»

Евсюкова Л.

Прыжок в ночи / Л. Евсюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905361-9

Незаурядная переселенка из Чечни Катерина встречает немало испытаний на своем жизненном пути. Она работает по-ударному на комсомольской стройке, борется с несправедливостью и коварством друзей и родных, с разными неполадками в семье, с травмами при попытке убийства, с неверием мужа, за свободу после подставы в торговле и, наконец, со страшным диагнозом врачей. Сумеет ли она спасти свою жизнь, свободу и брак, добиться веры и понимания мужа, участвующего с нею во многих жизненных испытаниях?!

ISBN 978-5-44-905361-9

© Евсюкова Л.
© Издательские решения

Содержание

«ПРЫЖОК В НОЧИ»	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. БАМ-1. ОСЕНЬ 1979 ГОДА	8
ПОДГЛАВА 1. ЕВСЕЕВЫ РЕШАЮТ ЕХАТЬ НА БАМ	8
ПОДГЛАВА 2. ЖЕНЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ЕДУТ НА БАМ ЗА МУЖЬЯМИ	12
ГЛАВА 2. ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ НЕМНОГО. ВСТРЕЧА С БОЙЦАМИ ОТРЯДА	25
ПОДГЛАВА 1. ДО МОГОТА АВТОБУСОМ	25
ПОДГЛАВА 2. ВСТРЕЧА С ОТРЯДОМ	30
ПОДГЛАВА 3. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА. ЭКСКУРСИЯ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ПОСЕЛКА	34
ПОДГЛАВА 4. ОТРЯД ПОПОЛНЯЕТСЯ ЖЕНАМИ БОЙЦОВ	39
ГЛАВА 3. ЕВСЕЕВЫ НА БАМЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ	41
ПОДГЛАВА 1. КАТЯ ПРИВОЗИТ ДЕТЕЙ НА БАМ	41
ПОДГЛАВА 2. РАБОТА И ОТДЫХ В ПЧ.	45
ПОДГЛАВА 3. МАКСИМ И ОХОТА	52
ПОДГЛАВА 4. И СНОВА РЕВНОСТЬ	57
ПОДГЛАВА 5. ЖЕНЩИНЫ НА БАМЕ. НЕСЧАСТЬЕ У КОЛЛЕГИ	59
ПОДГЛАВА 6. ЕВСЕЕВЫ И ТАЕЖНЫЕ ЗВЕРИ	62
ПОДГЛАВА 7. АВАРИЯ НА МОГОТСКОМ УЧАСТКЕ	66
ГЛАВА 4. РАБОТА В ОРСЕ И НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. СУД	68
ПОДГЛАВА 1. ТРУД ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ	68
ПОДГЛАВА 2. КАТЯ С ДЕТЬМИ ЕДЕТ В ОТПУСК. СНОВА БАМ И ЗЛОПОЛУЧНАЯ РЕВИЗИЯ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Прыжок в ночи

Людмила Евсюкова

© Людмила Евсюкова, 2018

ISBN 978-5-4490-5361-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ПРЫЖОК В НОЧИ»

Людмила Евсюкова

Аннотация: В жизни Кати Евсеевой не было ничего примечательного: работа, дом, любимый муж. Все, как у всех. Но однажды ее жизнь переворачивается с ног на голову: подставы и ревность, голод и травмы, психологическая атака, доведение до самоубийства. Умереть или бороться за свою жизнь? Для Катерины выбор очевиден: спастись или погибнуть в свободном полете.

Роман реалистичный. Он о комсомольцах-бамовцах, их трудовых буднях, мечтах, надеждах и чаяниях, о простом человеческом счастье.

Все имена были изменены, и любые совпадения с реальными людьми случайны.

© Людмила Евсюкова, 2018

ISBN 978-5-4490-5361-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

В очередной раз, повернувшись с боку на бок, Екатерина Андреевна окончательно поняла, что сегодня ей не суждено заснуть. Она села на край кровати, тяжело вздохнула. Поднялась на ноги и подошла к окну, за которым беспрестанно стучал по подоконнику дождь. От порывов ветра он отлетал в сторону от окна, поливая живительными струями дорожку и цветы, растущие возле дома. С улицы веяло прохладой летней ночи.

Каждый раз при наступлении этих июньских дней вот уже десять лет у нее наступала бессонница. И она начинала вспоминать свою жизнь, чуть не закончившуюся бесславно в тысяча девятьсот девяносто седьмом году.

ГЛАВА 1. БАМ-1. ОСЕНЬ 1979 ГОДА

ПОДГЛАВА 1. ЕВСЕЕВЫ РЕШАЮТ ЕХАТЬ НА БАМ

На днях перед самым закатом на подоконнике Евсеевых появился голубь. Он ходил по нему взад-вперед, попеременно постукивая в окно и чистя свои перышки. Потом вдруг послышался отдаленный вой собак, голубь испугался, распушился весь, стал оглядываться по сторонам, резко взмыл в небо. И вскоре снова вернулся, успокоенный. Катя усмотрела во всем этом тайну и предвещение плохих вестей или событий. Спустя некоторое время забыла об этом.

Счастье, как она считала, похоже на бабочку. Ждешь его, ищешь, – а оно удаляется и исчезает. Стоит потерять надежду, оно пушинкой прилетает и садится на плечо. У Кати Евсеевой в семье случалось всякое: и счастье до гробовой доски, и разногласия. Муж Максим мог быть нежным и ласковым, понимать с полуслова и приходить на помощь в трудную минуту. А мог превратиться в настоящего деспота.

Жизнь ее сначала была, как чистый лист, который она заполняла неумелыми каракулями-событиями. И получилась она чаще с ошибками, а иногда красивой и грамотной. Выйдя сразу после школы замуж, она попала в полное подчинение к мужу. Выполняла его указания и помалкивала.

Не все получилось, как она мечтала в юности. Одно радовало – их с Максимом дети. Стоило Кате посмотреть в ясные глаза своих карапузов, в душе поднималась волна удовлетворения. В них теперь заключался смысл ее жизни и благодарность мужу за счастье материнства.

На последнем курсе Грозненского техникума механизации учета устроилась на Грозненский газоперерабатывающий завод по специальности. Дети ходили тогда уже в детский садик.

В бухгалтерии завода Кате выделили материальный стол. Она следила за движением материалов со склада в подотчет руководству цехов, выпиской материалов сторонним лицам, ведением учета спецодежды и спецмолока на заводе. И в нужные сроки занималась отчетностью по закрепленным за нею участкам работы.

Коллектив попался дружный. Почти весь он состоял из жителей того же поселка, где жила и она. Нелегко было целый день сидеть за столом за оборотными ведомостями, счетами и тре – Да вы ниже, ниже наклоняйтесь, Клавдия Ивановна. Смотрите, как надо.

И она показывала, как надо выполнять наклоны. При этом полной ладонью касалась половиц пола. А ее коллега не могла даже кончиками пальцев дотронуться до них.

Под конец зарядки Катя оставляла упражнение для пресса живота. Она ставила чуть поодаль стола стул. Садилась на него лицом к столу. Ногами упиралась под нижней частью стола. И опускала все тело назад. Руки при этом касались пола. Любовь Михайловна каждый раз при этом усмехалась:

– Вам с Тоней хорошо. Вы вон, какие молодые и стройные. А у нас тело уже старое. Животы большие. И все время в голове вертится мысль:

– А вдруг упаду?! Что будет с моей спиной?

Она огрызалась, кряхтела, но все же делала упражнение.

Сначала посетители не могли понять, что за блажь появилась у счетных работников ежедневно дрыгать ногами и руками, вертеть шей и туловищем?! Со временем, привыкнув к новому распорядку работы этого отдела, даже с завистью смотрели на них.

После зарядки бухгалтера чувствовали легкость в теле и прилив сил. В обед всем отделом они, веселые и ничуть не уставшие, отправлялись в заводскую столовую.

Вечерами, придя домой, Катя погружалась в рутину домашних забот. Их за день скапливалось множество. Надо было переделать немало дел, чтобы на завтра в нормальном виде отправиться старшим на работу, детям в детский сад.

В один из осенних вечеров Евсеевы пришли с работы, а Ваня и Марина из детского сада. Уставшие от садовых дел и событий, дети поужинали, посмотрели обязательную сказку перед сном в телевизионной программе «Спокойной ночи, малыши». И отправились в спальню.

Катя в это время скользила глазами по страницам республиканской периодической газеты. Одновременно она думала об их с Максимом жизни, теряющей самобытность и яркость, становилась какой-то постной. Каждый день было одно и то же: работа, дом, огород, дети, нехватка денежных средств, ссоры, разлады и примирения. Никаких ярких событий, мало – мальской романтики.

Ее глаза наткнулись на объявление о комсомольском наборе на эксплуатацию БАМа. Для работы монтерами пути приглашались небезразличные к судьбе страны комсомольцы. Кто такие монтеры пути, Катя не знала. Об этом можно узнать и позже. Привлекательным в объявлении показалось обещание бесплатного обучения и предоставления семейным парам жилья. Катя поднялась с кресла, в котором сидела за чтением газеты. И пошла в гостиную к Максиму.

В те времена было написано много статей в прессе и книгах о строительстве магистрали. Если кому-нибудь пришло бы в голову прочесть все это, ему потребовалось бы несколько жизней. На экранах телевизоров ежедневно показывался хоть один эпизод из бурной комсомольской жизни.

В строительстве участвовали люди разных национальностей и возрастов. На стройку ехала прогрессивная молодежь и модные в то время студенческие отряды. Одним словом, патриоты страны спешили на БАМ, и все яснее становилось, что он – «стройка века».

Максим, полулежа на диване в гостиной, смотрел передачу о животном мире Сибири. Его всегда волновали непроходимые дебри лесов и их обитатели. И любимой книгой была «Зов Сихотэ-Алиня».

За окнами была глубокая осень. В окна стучался, грохотал чем-то на крышах домов и завывал в трубах холодный ветер. Искрились сосульки в отражениях света.

Катя появилась возле мужа с горящими глазами и загадочной улыбкой. Протягивая газету с обведенным ручкой объявлением, посмотрела на него с хитрецей. Он ухмыльнулся: в этом она вся, живет на эмоциях. Но и ему объявление показалось интересным.

Они стали рыться в старых подшивках. В «Комсомольской правде» Катя прочитала:

– Эта стройка – поле боя с суровым климатом, кузница кадров, нива становления людских характеров. Длина железной дороги ожидалась около 3200 километров с горными хребтами и в сложных условиях Иркутской области, Бурятской АССР, Читинской и Амурской областей и Хабаровского края. В основном это районы с вечной мерзлотой, с возможными землетрясениями 7—9 баллов.

– Ого! Не хило! Прямо, как в Грозном – в любое время может потряхнуть так, что мало не покажется.– Максим вытащил из кипы прессы еще одну газету.– Слушай, что о тамошней жизни и погоде пишут:

– На местности крутые склоны, каменные осыпи, снежные лавины, оползни, вспучивания, наледи и мари. Зима суровая и малоснежная, а лето короткое, теплое и дождливое. Небольшие таежные поселки мало населены и находятся в нескольких десятках километров один от другого. И почти везде бездорожье.

Евсеевы в душе были патриотами страны. На следующий же день они узнали в Обкоме комсомола все о подготовке комсомольского отряда, взяли направления на медосмотр. И стали готовиться к поездке на эксплуатацию Малого БАМа.

Отряд сформировали за месяц. Позади медкомиссия и сборы. В обкоме комсомола Максима, как молодого кандидата в члены партии, назначили комиссаром отряда. Командиром

отряда стал Еремеев Андрей. Максим и Катя подружились с ним при первом знакомстве. И теперь часто бродили по улицам города, его паркам и скверам, прощаясь с родным гнездом на долгие годы.

– У меня недавно сын родился. Ему всего месяц. А жилья нет. Я с матерью и семьей в однокомнатной квартире еле помещаюсь. Пока Темки не было, как-то еще ютились. А теперь соски, пеленки, бессонные ночи, – мать стала высказывать, что не высыпается перед работой. В общем, нужно срочно жилье. Поэтому мы и решили ехать.– Сидя на лавочке в парке, говорил Андрей.

– У нас дети чуть постарше. И жилье есть. Хотим романтики и всплеска эмоций, – улыбнулась Катя.

– Еще я слышал, там охота с рыбалкой отменные. Мечтаю посидеть у воды с удочкой или побродить по настоящей сибирской тайге с ружьишком, – поделился мечтой Максим.

– И разрешение на оружие у тебя есть?

– Конечно, все есть.

Родные, соседи и друзья отговаривали Евсеевых не делать скоропалительных шагов:

– Там тайга кругом. Люди говорят, продукты и то забрасываются туда раз в месяц вертолетом. А вдруг беда какая случится? Кто окажет медицинскую помощь?

– Ни телевизоров, ни телефонов в поселках нет. Как мы будем держать связь с вами?

– Мы хотим изменить жизнь к лучшему. Надоело одно и то же. Еще ведь не старики. Хочется мир повидать, в конце концов.

– Чудаки! Жизнь не изменится к лучшему, если сорвешься из-за стола, не доев специально для тебя приготовленное блюдо.

– Не ищи счастья на другом берегу, если хорошо на этом!

– В том-то и дело, что не хорошо. Денег нет. Радости нет. Сплошное однообразие. А хочется много друзей и общения с природой.

Катина мать после бесполезных прений поставила, как ей казалось, точку:

– Тогда договариваемся так: вы едете, обустраиваетесь там, и только потом приезжаете за детьми. Я пока поживу с ними в вашей квартире.

На том и остановились.

Катя в число пятнадцати счастливиц не попала. Она не была больной или хилой. Но, как смеялась тогда молодежь, их отбирали, как космонавтов в космос.

День отправки на БАМ приближался со скоростью молнии. И вот, в конце октября, после небольшого митинга на вокзале города была объявлена посадка бойцов на поезд. Провожаящие стали прощаться с ними. Привокзальная площадь наполнилась всхлипываниями. Слезы, клятвы, и смех смешались в общем гомоне.

Расставаться с близкими всегда печально. Вместе с ними уходит часть души. Какую бы гадость человек не причинил, как бы больно ни сделал, он навсегда оставит след в нашем сердце. От каждого человека мы чему-то учимся, пусть даже и через ошибки.

Пассажиры заняли свои места в вагоне. Пожилая проводница закрыла двери. Поезд медленно, словно нехотя, начал двигаться по железнодорожному полотну. Он набирал скорость и ехал все быстрее. Удаляясь, становился все меньше и меньше. И, наконец, совсем исчез из вида. А Катя все спешила за ним. Ей казалось, что сейчас от нее оторвалась часть ее самой.

Мысленно она перенеслась в былые времена. Всякое было в их с Максимом жизни. Но потерять его, расстаться надолго, она не была готова. Пусть ругается, ревнует, только будет рядом. Они даже, ругаясь, старались быть рядом. Пусть во время обид находились спиной друг к другу, но не расставались.

Затем она резко развернулась на месте, и пошла к железнодорожным кассам: разузнать все о стоимости проезда и времени отправления поезда, чтобы в ближайшее время поехать вслед за мужем.

Через некоторое время в зале с той же целью появилась Вера – жена одного из членов отряда. Они договорились ехать в дальний путь в начале ноября вместе. Через пять дней, оставив детей с родителями они отправились за своими мужьями в места, которых не знали. Единственное, что им тогда было известно, – добровольцев набирала Беркавитская дистанция пути.

О расположении этого города они узнали, изрядно побродив по карте. И все равно поехали, решив, что язык до Киева доведет. Женщинам свойственно жертвовать собой ради тех, кого они любят. Иногда, даже тогда, когда те этого не заслуживают.

ПОДГЛАВА 2. ЖЕНЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ЕДУТ НА БАМ ЗА МУЖЬЯМИ

Из Грозного их провожали родные и друзья. А в Москве им пришлось нанимать такси, так как обе не в силах были справиться с огромным количеством сумок и чемоданов.

Несколько минут таксист возил их по Москве. Наконец, они остановились возле нужного вокзала. Расплатившись с водителем, они решили оглядеться. И расхохотались, как по команде. Прохожие удивленно смотрели на них. У Кати и Веры уже из глаз текли слезы, а они все смеялись. Против того места, где они стояли, располагался вокзал, откуда они длительное время добирались на такси.

– Нет, ну ты представляешь, какой мошенник этот таксист! Катал по городу, и, видимо, смеялся в душе над нами, – возмущалась Вера.

Катя ухмыльнулась:

– Да уж, влипли, так влипли! Сами виноваты, не успели его остановить, как заявили, что не знаем Москвы, но очень спешим на вокзал.

– Хорошо он на двух клушах заработал! Ничего не скажешь!

Из поклажи Катя с Верой прихватили с собой посуду и постельное белье, вещи свои и мужские, всякие там занавеси и скатерти, покрывала и предметы первой и второй необходимости, – все, что могло бы скрасить их семьям жизнь в далеком краю.

Когда на вокзале объявили посадку на поезд, они от него до второго вагона в голове поезда еле дотащили свой объемный багаж. Добравшись до мест в вагоне, они обнаружили, что для их вещей, занявших проходы в их и в соседнем купе, нет места. Ящики в их купе были забиты чужими сумками.

– Товарищи пассажиры! Чьи это вещи под нашими местами?

Отозвалась пожилая и полногрудая женщина с нижней боковой полки:

– Ну, мои! – выдавила она из себя. – А куда прикажете мне девать чучалы с рыбой?!

– Извините, – сказала Вера, – если бы ящики под нашими местами были свободными, мы бы Вам разрешили разместить там и ваши сумки. Но у нас самих много вещей.

– Такие молодые, а сумок нахапали, будто торговать шмотками едете, – снова громко закричала, оглядываясь по сторонам и ища поддержки, соседка по купе. Но люди приняли сторону Кати и Веры.

Пассажирка из соседнего купе возразила ей:

– Женщина, ящики под местами предназначены для вещей пассажиров, которые имеют билеты на эти места. Не ругайтесь, а освободите их ящик. Рыбу вообще-то возят в багажном вагоне.

– У вас забыла спросить, где мне ее возить. Сказала, сумки будут стоять там, где я их поставила. И никому не позволю к ним даже прикоснуться. Лучше бы у этих девчонок поинтересовались, куда они столько поклажи везут! – скривилось от злобы лицо скандалистки.

Катю в жар бросило от ее наглости:

– Мы едем на БАМ, везем только необходимые для жизни вещи. Мужья отправились туда неделю назад. Вот и статья в газете о них есть.

Она достала из бокового карманчика своего чемодана газету «Комсомольское племя» от 28 октября 1979 года, развернула ее и показала на фотографию с ее мужем, комсоргом комсомольской ячейки и Таней Шевченко. Им на ней секретарь обкома комсомола вручает комсомольские путевки.

Пассажиры столпились возле Кати, читающей пафосную статью о смелых посланниках добровольцев на БАМ: «Время подтвердило, что ударные комсомольские строительные отряды

получили всенародное признание. Юношей и девушек из Грозного можно встретить в Коми АССР, в Карелии, на объектах родной республики.

Свои автографы бойцы республики оставили и на БАМе. Позавчера туда отправился еще один отряд бойцов, который в Москве вольется в первый отряд эксплуатационников магистральной».

В вагоне поднялся гвалт. Кто слушал статью о добровольцах, стали совестить наглую пассажирку:

- Девчонки едут в неизвестность вслед за мужьями.
- При этом оставили теплые дома.

Кто не мог пробраться до своих мест из-за заставленных проходов, требовали, как можно скорее разобраться в ситуации.

Катя перелезла через чемоданы и сумки. И отправилась к проводницам. Они стояли возле вагона в ожидании отправления поезда. Она объяснила им создавшуюся в вагоне ситуацию, показала газету. И только их вмешательство смогло сломить упрямство соседки по купе.

Та убрала свои вещи из их ящика, мужчины подняли их на третьи полки. Катя с Верой освободили проход в вагоне. Попутчики рассосались по своим местам. А через некоторое время злосчастные сумки с рыбой по разрешению бригадира поезда перекочевали в холодильники, которые есть в каждом вагоне под полами в коридоре.

Вагон успокоился. И пассажиры смогли предаться отдыху и созерцанию пейзажей за окном. Впереди всем предстоял длительный путь.

Катя расположилась на нижней полке. А Вера, боясь кражи денег, выбрала себе верхнюю. У Кати этого добра было мало. Она ничего не боялась. И с удовольствием следила за мелькающими поселками и городами, лесами и реками из окна.

Она мысленно благодарила судьбу, что нашла в почтовом ящике газету со статьей до отправления на БАМ. Ей было страшно представить, как бы они с Верой доказывали свои патриотические порывы, не будь ее. Катя уже спускалась по ступенькам родного подъезда, когда заметила ее кончик в почтовом ящике. Она подумала: «Будет, что в дороге почитать». И сунула свернутый листок в карман чемодана.

В поезде из Грозного в Москву она нашла эту статью.

До этого они просто ехали вслед за своими мужьями, теперь до них стало доходить, что в действительности не каждая женщина бросит свое теплое, уютное гнездышко и отправится в неизвестные места. И от этого им становилось радостно на душе. Тем более, что с каждой минутой пути они становились ближе к магистрали и к своим любимым.

В тот же день все соседи в купе перезнакомились, забыв недавние споры и обиды. Пожилая тетя Валя, что везла рыбу, ехала на Дальний Восток на свадьбу к сыну. Она оказалась хорошей женщиной и хозяйкой. И молодые женщины за время пути многому научились у нее.

Кроме нее в купе ехал Владимир Владимирович, прокурор из Краснодарского края, направляющийся во Владивосток в командировку. Мужчина все время лежал на своей верхней полке и читал книжку, купленную на вокзале перед отправкой поезда:

– А я всегда читаю в дороге что-нибудь из литературы. Или газеты на полустанках, в крайнем случае, покупаю.

Тетя Валя улыбнулась:

– Все бока так отлежите.

– А ничего страшного. Потом некогда будет отдыхать. Зато так легче переносить дальние дороги. Да и привык я всегда быть в курсе происходящего в стране.

Тетя Валя перебралась с бокового места в купе Кати и Веры, так как одно нижнее место по неизвестной причине оказалось незанятым. Как случается всегда, где вместе оказываются женщины, они делились своими познаниями в ведении хозяйства, в вязании, шитье или приготовлении закусок на зиму.

Тетя Валя жизнь прожила не сладкую:

– Ох, и намаялась я со своим мужем в молодости! – смахивая слезу с глаза, говорила она Кате. – Ни одной юбки не пропускал. И дрались с ним, как кошка с собакой. И совестила его, и пугала, что уйду, если не оставит это непристойное дело. А когда уже совсем невмоготу стало, собрала вещи, троих детей в охапку. И поехала из Саратова, куда денег хватит. Хватило их до Астрахани. И оказалась там с тремя детьми в гостинице «Колхозный двор». Устроилась на работу. Зарплата была нищенская. Ее на семью не хватало. Выкручивалась, как только могла. И нищенствовала, и нанималась дополнительно в работницы к более зажиточным людям, лишь бы прокормить и воспитать своих детей.

– Что за мужики!? Детей сострапают и в кусты.– Возмутилась Катя.

– Да, хорошо сделала, что уехала тогда. Дети выросли, нашли свои пути-дороги, Младшенький нашел свою судьбу в Приморье, где служил до недавнего времени в армии. Семья у невесты зажиточная, занимается выращиванием корней женьшеня. А я вот рыбку красную везу, чтобы не показаться родственникам нищенкой. Больше и похвалиться-то нечем.

– Да, в наше время часто стали встречать по одежке.

– Хорошо, добрые люди помогли. Не дали нам с голоду помереть. Раньше они добрее были, участливее. Теперь не знаю, помогут ли?

Катя вздохнула:

– Зла сейчас, конечно, много. Но и участливые люди еще встречаются. Когда мы поженились с мужем, нам негде было жить. Моя мать сказала, чтобы искали жилье, к родителям Максима тоже ехать не было смысла. С легкой руки соседки тети Нади нашли работу свинарками с жильем в ближайшем от города селе. И все наши жертвы были лишь для получения жилья, чтобы никого из родных не стеснять и не раздражать.

Сначала выделили малюсенький изолированный коттедж из небольшой комнатки и веранды. Зима была холодная, в стенах и полу зияли щели. Спать мы ложились в теплых вещах, и все равно мерзли ночью, хотя и топили печку. Потом дали другое, более подходящее жилье.

Мы рубили дрова и натапливали печь до красноты. Дрова, разгоревшись, трещали, становилось тепло и уютно. Когда тушили свет, переполохи от огня в печке вырисовывались на стенах и потолке.

Свинарки, проходя в четыре часа утра мимо нас, стучали в окошко:

– Молодежь, вставайте! На работу пора!

Мне тогда еще восемнадцати не было, Максиму – двадцать два.

Мы с мужем быстренько поднимались с постели. И неслись на свинарник. Коллектив оказался сплоченным и сердечным. Многие старались помочь советом или делом.

– Такие молоденькие, а на свинарник работать пошли.

– Ну, не сидеть же на шее у родителей. Хотели самостоятельности, мы ее получили. Надо было строить семейную жизнь. Мы и начали ее, отделившись от родителей, – говорила Евсева.

Когда мы пришли к своей наставнице Вале Кулаченковой, у нас совсем не было денег на питание. Те, что заработал Максим в Приэльбрусье, давно закончились. В кармане лежало всего несколько рублей. Их хватало только на покупку хлеба, чай и один-единственный лимон. Его прописали мне из-за низкого давления. От него тогда часто кружилась голова, и при этом тянуло в правую сторону.

После работы скажет, бывало, наставница:

– Все, идем на обед!

А мы с мужем переглядываемся и хихикаем. Наш обед состоял из стакана чая с кусочком хлеба. Ужин и завтрак тоже ничем не отличались от обеда. Иногда, правда, мы раскошеливались на халву. Опять-таки по назначению врачей.

– Прямо, как в войну вы питались. Как ноги-то волочили потом?

– Да все нормально. Мы с осени закормленные были, – улыбнулась Катя. – Еще как бегали. Мы думали, что никто не знает о нашей вынужденной голодовке. Но Валя быстро раскусила наши смешки и мою слабость.

– Сказано, молодежь! Другие бы выли от безденежья и голода. А у этих, надо отдать им должное, еще есть силы шутить и смеяться! – говорила она свинарям.

В один из обеденных перерывов разошлись по домам. Мы давно выпили чай и съели хлеб, когда в дверь кто-то громко постучал. Я открыла ее. И увидела Валентину с огромной сеткой продуктов. В голове промелькнуло: «Наверное, продуктов в магазине накупила!» А та лишь протянула мне сетку невероятных размеров:

– На!

И тут же пошла в сторону рабочего места.

Я крикнула ей вслед:

– Валя, я не поняла: ты сетку с продуктами на сохранение принесла? После работы забереешь?

– Да чего ж тут непонятного? Это Вам! Вы ведь на воде и хлебе скоро ноги протяните! А мне нужны сильные помощники, – улыбнулась она.

– Продуктов, принесенных ею, хватило до первой полочки. Мы жили ожиданием первого семейного новогоднего праздника. Все работники СТФ готовились к нему, закупая продукты и подарки. Только мы с Максимом продолжали пользоваться скромной трапезой и малыми расходами на продукты.

Перед самым праздником Валя предложила:

– Ребята, а приходите к нам. Не пожалеете. Вчетвером-то веселее будет. Ничего из продуктов с собой не берите. Я, как сказал муж, на целую роту наготовила.

Максим покраснел:

– Постараемся прийти, если Катя будет нормально себя чувствовать.

– Здоровьем меня Бог миловал. И мы отправились на свой первый совместный праздник.

Валентина была замужем второй раз. Первый муж обижал ее и сильно увлекался спиртными напитками. А с Виктором она впервые почувствовала себя женщиной в полном смысле этого слова. С ним она стала матерью двух крепышей: сына и дочери, которые во время встречи Новогоднего праздника уже безмятежно спали.

Мы с Максимом были счастливы. Хороший стол, веселая музыка и непринужденная беседа подняли настроение. И мы обрели друзей.

– Ты, такая молоденькая, сама, как ребенок. А говоришь у вас с Максимом уже двое детишек. Как получилось, что вы так рано решились их заиметь?

– Ну, как? Рано замуж вышла...

– И все было нормально? Как беременности -то выносила?

– Через две недели после праздников мы шли с работы на обед. И о чем-то разговаривали. Вдруг я остановилась на полушаге с застывшей гримасой удивления на лице.

– Что с тобой? – встревожился Максим.

– Ребенок шевелится, – тихо прошептала я. Мне казалось, если буду говорить громко, испугается малыш.

Максим стал гладить мой живот, приставлять ухо к нему. Он был удивлен и рад не меньше меня: ребенок послал первую весточку, что он живой и здоровый. Мы надеялись, что это будет дочь. Даже имя ей придумали – Олеся. Оно казалось нам самым нежным и ласковым. И не понимали тогда, что мы предполагаем, а все решает Бог.

После первой полочки стало легче в материальном смысле, чаще и длиннее продолжались дни взаимопонимания и спокойствия в семье. А потом всякое стало случаться. Как-никак два разных человека.

– Да, жизнь. В каждой семье своя история, – вздохнула тетя Валя.

В беседах Кати и тети Вали Вера участвовала редко. Все больше лежала на верхней полке и делала вид, что спит. А тут вдруг она спустилась на нижнюю полку.

– Сколько мы в жизни всякого переносим. Я всем женам искренне сочувствую. И почему у нас доля такая? Сколько мужчины обижают, унижают и оскорбляют нас, а мы все терпим, – дрожащим голосом произнесла она.

И, теребя в руках носовой платок и глядя в окно, добавила:

– Вот я сейчас еду и боюсь, что муж мой развлекается, вырвавшись на свободу. Девчат молодых вон, сколько набрали в отряды! А он всегда придерживается принципа:» Два метра от дома отошел, значит, – холостяк».

Катя с тетей Валею переглянулись:

– Вера, милая! Как же можно жить без доверия? Даже не думай так. Мысли, говорят, материальны. Как думаешь, так может и оказаться. Я даже представить такое боюсь.

Катя в этом вопросе была в некотором роде старомодной. Она отвергала даже мысль о возможности легкомысленных отношений, когда люди некоторое время проводят приятно, потом без тени сожаления расстаются. А теперь подумала, если бы такое случилось в ее семье, она бы с ума сошла. Ей было очень жаль Веру. До этой минуты она считала, что жизнь в семье Веры безоблачна. Оказалось, в любой семье есть свои» скелеты в шкафу».

В Иркутске во время стоянки Владимир Владимирович сошел с поезда покурить. Прямо возле вагона продавались газеты и журналы. Он купил несколько изданий. Те несколько дней, что пассажиры находились в поездке, казалось, выпадали из его поля зрения.

Вернувшись в вагон, мужчина снова забрался на свою полку. И смолк.

Через некоторое время женщины услышали его возглас:

– Вы только послушайте, что пишут о БАМе в газете. Оказывается, начинали его строить эжи. Вы только послушайте:

«Строительство дороги началось еще в прошлом веке. Где-то в 1850 году в России появились первые высказывания о необходимости сооружения железной дороги, которая бы прошла через сибирские города Екатеринбург (Свердловск), Тобольск, Томск, Енисейск. В 1878 году завершилось сооружение железной дороги от Перми до Екатеринбурга, а уже через несколько лет экспедиции изыскателей отправились дальше, вглубь Сибири.

Надо было найти самый удобный и дешевый выход к Тихому океану. Сначала предлагалось два варианта будущей трассы: по северному берегу озера Байкал и по южному. Северный вариант стал ныне нынешним БАМом, а южный – Транссибирской магистралью.

Основной проблемой строительства стала нехватка рабочих рук. Набор вольнонаемных рабочих был сорван. Стройку отдали в ведение ОГПУ. И потек на стройку поток безвинно – осужденных людей, которых помещали в лагеря. Одним из крупнейших был БАМлаг, где на каторжном труде работало и жило около двухсот тысяч заключенных.

Основными инструментами для работы у них были лом, кирка, тачка, лопата, носилки и кайло. Работали они по шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки, – вспоминают очевидцы. – Не успевали обсыхать. Все больше оставалось больных в бараке: свирепствовала малярия, простуда, ревматизм, желудочные заболевания.

В Амурском музее сохранился номер лагерной газеты «Строитель БАМа».

В ней писали: «жилые бараки представляли собой ледники, стены их покрыты толстым слоем инея, в углах – горы льда, вокруг барачников рассадники нечистот, так как не было туалетов. Не меньше холода и грязи в больницах, у больных не было постельного белья, спали на полу.

Руководство лагерей придумало хитрый стимул для хорошей работы: работающий получал от пятисот г до одного кг хлеба и суп из соленой или мороженой рыбы, иногда капусты, а неработающий триста граммов хлеба без супа. Ударнику, перевыполняющему норму, могли еще и уменьшить срок заключения, если, конечно, выживет.

В результате движение поездов на железнодорожной линии Бамовская – Тында открылось в 1937 году, а в 1940 году поехали поезда по рельсам, проложенным от станции под названием Известковая до Ургала.

С началом Великой Отечественной войны строительство магистрали было свернуто. В 1942 году, когда линия фронта приближалась к Волге, и появилась необходимость поставки большого количества грузов Сталинградскому фронту, по решению правительства было разобрано верхнее строение пути на линии БАМ – Тында.

Поезда с рельсами и металлическими фермами шли с Востока со скоростью воинских эшелонов. Рокадная дорога была построена в небывало короткий срок. Так БАМ стал участником великой битвы, внося свой посильный вклад в разгром врага.

Катя подумала вслух:

– Как плохо мы знаем свою страну. Можем рассказать об Испании или Франции, Индии или Китае. А что творится в собственной стране, у нас под носом, узнаем только вот в таких закулисных беседах или из периодики.

– Да, – вздохнула теть Валя. – Ты посмотри, что мы знали до поездки об этой магистрали? Ну, БАМ. Ну, комсомольская стройка. Мало ли их у нас в стране?! Понятно, печатается много статей о нем и на книжных полках стоят десятки книг, – всплеснула руками она. – Но мы-то все прочитать не можем. Да и там все написано в таких возвышенных тонах, что не поймешь, где правда, а где ложь.

Катя с Верой переглянулись: им посчастливится своими глазами увидеть масштабы стройки, и даже самим принять в ней участие.

На реплику тети Вали с боковой полки отозвался недавно вошедший в вагон мужчина:

– Да и сегодня многие читатели знают о магистрали именно по этим парадным публикациям. Это, конечно, тоже БАМ. Но в них не видно главного – ее будней и трудностей.

Он подсел на полку к тете Вале:

– Я вот слышал от сына, а он там работает, что жизнь и работа там, на магистрали не сахарная: больше половины земель находятся в вечной мерзлоте, часто бывают землетрясения и наводнения по весне, так как реки там непредсказуемы, то плавные и спокойные, то своенравные и злые.

Там бушуют страшные ветра, и мороз случается под 60 градусов. Да и зима длится около 200 дней. Кроме того, жителей там мало, нет дорог, нет магазинов или даже уголков для обогрева первопроходцев. Представляете, каково приходится им, когда они прорубают, например, участок просеки для будущей дороги. Устанут, а погреться-то негде.

– Так недолго и заболеть?! – слышались возгласы пассажиров поезда.

– И ведь живут и трудятся они по принципу: раньше думай о Родине, а потом о себе, – вставил реплику отец героического сына.

– Любовь к Родине и патриотизм, конечно, важны. Но нельзя же гробить так свое здоровье. Как же потом они, больные и слабые, будут создавать семьи, заводить детей? – снова зашумели пассажиры в вагоне.

– Какие могут быть принципы, если никто не думает о строителях трассы?!

– Почему это вы решили, что никто не думает о молодежи? – возразил с верхней полки Владимир Владимирович. – Работа на трассе ведется по разным направлениям. Одни строят дорогу, другие готовят для них поселки, изготавливают и завозят материалы, продукты.

– Именно так все и происходит, – вставил реплику отец бамовца. В 1977 году была сдана в эксплуатацию линия БАМ – Тында, а в этом году линия Тында – Беркамит. Сюда ведь теперь направляются наши девчата вслед за своими мужьями? Так ведь?

Катя и Вера кивнули головами.

А мужчина с верхней полки рассуждал вслух:

– В работе стройки принимают участие множество предприятий из разных отраслей народного хозяйства. Они дают строителям БАМа машины и механизмы, рельсы и пролетные строения, цемент и металл, теплую одежду и сборные дома, горючее и продовольственные и промышленные товары, – то есть все необходимое для жизни и труда.

Десятки институтов в стране решают важные вопросы, а иногда и проблемы строительства, готовят всякую техническую документацию. Все союзные и автономные республики, края и области страны оказывают стройке помощь. Предстоящие планы волнуют любого советского человека. Но особую гордость испытывают сами строители дороги.

– Вот-вот! О чем я и говорю. – Подхватил слова прокурора сосед по купе с бокового места. – Теперь на многих участках работают воины-железнодорожники, как мой сын-сверхсрочник. Он служил в Амурской области. И в начале строительства остался там жить и работать. Им доверили сооружение восточного участка магистрали. А это примерно половина всей трассы.

Насколько мне известно, наступление на тайгу началось еще зимой 1974 года. Воины пробивались сквозь мари и болота к местам, где намечалось создать базы строительства, построить жилье, школы, культурно-бытовые помещения, завезти технику, продукты, строительные материалы, проложить пути переправы.

Солдатам, вооруженным мотопилами и топорами, в этом деле помогала техника. Кусторезы освобождали трассу от леса и кустарника, бульдозеры срезали кочки на болотах, выравнивали места съездов на крутых берегах рек, планировали проезды на косогорах, расчищали снег. А потом уже можно было приступать к переправе.

И все это надо было сделать до наступления весенней распутицы, которая отрезала бы объекты от опорных пунктов и головных баз снабжения. Ведь путями для доставки вглубь тайги техники, материалов и людей были только дороги по скованным льдом рекам. И так на всех участках: по реке Гилой, по рекам Буря и Ниман.

По этим дорогам завозилось на трассу все необходимое. С приходом весны природа лишает строителей и этих путей сообщения. Перевозка людей и техники по льду таежных рек на сотни километров в пятидесятиградусный мороз сам по себе – случай редкий и очень опасный. И, кроме прочего, в конечных пунктах воинов-железнодорожников не натопленные дома, а неизведанная тайга.

И все равно бамовцы упорно выполняют свою нелегкую работу. Всю зиму на дорогах не смолкал гул моторов. Воины-железнодорожники торопились до весенней распутицы завезти детали сборных домов, жилые вагончики, мебель, технику, горючее, строительные материалы, одежду, на все лето запастись продовольствием. Задача решалась успешно.

Каждый день с перевалочных баз уходили колонны мощных машин, доставляя на глубинные точки трассы необходимые грузы. Все это требовалось для обустройства и для разворота строительных работ.

Девушки слушали рассказ мужчины с огромным интересом.

Катя призналась:

– Я и не представляла все это. И мало кто знает подробности освоения таежных просторов. Скажут, обычно по телевизору или напишут в прессе: «строители-железнодорожники продвинулись на пять там или десять километров вглубь тайги». И что же? Мы просто принимаем это к сведению. И не понимаем, какие испытания стоят перед ними ежесекундно. – В ее глазах было восхищение.

– И как же происходили эти переправы по льду? Без происшествий? – спросила она мужчин:

– А вдруг лед проломится, не выдержит грузы? – подхватила слова подруги Вера.

Невольный оратор улыбнулся:

– В жизни случается всякое, девочки. Часто бывает, идешь по ровному месту. Все, вроде, нормально. И вдруг, поскользнувшись, падаешь на землю и ломаешь руку или ногу. Так и здесь, все, вроде, рассчитали, а случаются просчеты: то мост не выдерживает нагрузки, то металл рушится от мороза, или приключаются какие-то природные катаклизмы, – ответил сосед с бокового места.

Он помолчал, копаясь в бумагах. Потом заговорил снова:

– Сын писал, что нередко воинам-бамовцам приходится вступать в борьбу со стихией. Как-то летом на Бурее из-за таяния льдов в горах и проливных ливней образовался паводок огромной силы. На борьбу с ним поднялись все. Были затоплены поселки, лагеря изыскателей, автодороги. Под угрозой оказались многие строительные объекты. Река, размыв подходы и отрезав мост от обоих берегов, со страшной силой обрушилась на искусственное сооружение.

Уже утром уровень воды в реке поднялся почти на девять метров. Такого не помнили даже старожилы. Буря поглотила ледорезы. У самого моста образовался затор из деревьев и корневищ. Между пролетами моста и зеркалом воды оставалось пространство в сорок сантиметров, а вода все прибывала.

Батальон Светлова был поднят по тревоге. Комбат объявил: мост в опасности. Стали спрашивать у воинов:

– Кто готов десантироваться с вертолетов на мост для его спасения?

Вызвались многие. Но отобрали самых крепких и выносливых.

Кипела и ревела река, вздрагивал под ее напором мост, а смельчаки во главе с майором Светловым высаживались на него. Солдаты с ходу бросались к опорам, чтобы протолкнуть мимо них несущиеся деревья. Опора могла не устоять.

Тогда сам комбат спустился к ней, за ним последовали старший лейтенант Борисов и батальонный врач лейтенант медицинской службы Супрун. Офицеры втроем стали разбирать затор.

Вдруг бревно, на котором стоял Супрун, колыхнулось и, резко наклонившись, пошло по течению. За ним двинулась вся громада. Все ахнули от неожиданности. А молодой военный врач, пролетев несколько метров на бревне, сумел схватиться за пролет и, подтянувшись, выскочить на мост.

Наступила ночь. Схватка со стихией не прекращалась. Под лучами прожекторов солдаты и офицеры мужественно защищали мост. Было три часа ночи, когда расстояние между водой и мостом составило критические двадцать сантиметров. На мосту практически оставаться уже нельзя. Никто не покинул даже тогда мост, продолжая проталкивать заторы. Сутки длилось невиданное сражение. И солдаты победили.

– А я вот слышал по телевизору, что примерно в такой же ситуации оказались железнодорожники на берегу реки Гилюй.

– И еще был случай, когда строители трое суток боролись с вышедшей из берегов Селемджой, – сказал подсевший к участвующим в разговоре мужчинам пассажир из соседнего купе.

– Кроме того, много раз солдаты и офицеры боролись с пожарами в тайге.

Из разговоров стала вырисовываться картина жизни в тех местах, куда сейчас добирались Вера и Катя.

Отец парня-сверхсрочника продолжил разговор после перекура в тамбуре:

– А знаете ли вы, что первопроходцы – железнодорожники, высадившиеся в тайге, первую свою ночь проводили у костра, затем в холодной палатке, через некоторое время уже в палатке с печью.

– Страсти – то, какие! – перекрестилась тетя Валя. – Как можно вынести такие испытания? В мороз и на улице... Ужас какой-то. Тут когда батареи плохо греют, мы начинаем паниковать, жаловаться, требовать. Какой же все-таки ваш сын молодец. Не побоялся испытаний.

И ведь на стройке в основном молодежь трудится, насколько мне известно. Вот уж истинные патриоты Родины!

– Вот, видите, что за народ эти бамовцы! Им поручили работу, они расшибутся, но выполнят его!

Собеседники согласно закивали головами.

Мужчина продолжил:

– Проходит неделя, месяц и на том месте, где был разожжен первый костер, появляется военный городок из палаток.

– И что же, в лютые морозы люди в этих палатках живут? – округлились глаза Кати.

– Представьте себе, – да. Но вы не думайте, бамовская палатка – это не та, которую мы привыкли видеть в туристических лагерях. Поставить палатку там – это срубить вначале бревенчатый сруб, проконопатить его пазами паклей и мхом, настелить пол, натянуть многослойный тент, установить кирпичную печь и поставить специальные утепленные двери.

Рота сына была высажена из вертолетов на дальнем километре трассы. Вокруг на десятки километров тайга. На календаре ноябрь, а столбик термометра опускался в те дни до минус сорока. – Мужчина снова достал из кармана стопку писем. Вынул из нее одно из них, потрепанное и зачитанное. Было видно, его не раз читали родители, вспоминая о своем бамовце.

– У меня есть письмо сына. Ваня написал его нам с женой много лет назад, когда остался на сверхсрочную службу вместо того, чтобы вернуться домой:

– Не беспокойтесь за меня. У меня все нормально. Я же мужчина, а не кисейная барышня. Вы ведь сами бывшие целинники. Должны понять, я не мог остаться в стороне, когда стране нужна была помощь.

Мужчина некоторые моменты в письме пропускал, говоря, что это собеседникам не надо, потихоньку зачитывал их лишь для себя.

К разговору в купе, где развязался целый диспут на тему о патриотизме молодежи, уже давно прислушивался весь вагон. Многие перебрались ближе к участникам интересной беседы. Стояла тишина.

Мужчина с боковой полки откашлялся. И потом снова стал читать письмо сына вслух:

– Лишь только мы высадились в тайге, тут же разожгли костер, согрелись и, взявшись за пилы и топоры, приступили к расчистке места под будущий жилой городок. Ровно месяц рота в трескучие морозы выполняла поставленную задачу.

А к 20 декабря уже не было того таежного пяточка, куда мы высаживались. На сотни метров раскинулась готовая к строительным работам площадка. За месяц мы построили десятки утепленных палаток, рубленый склад, столовую и жилой деревянный дом.

По несколько суток ударно работают воины в тайге. Топорами прорубают частокол из лиственниц, разбирают буреломы, преодолевают перевалы. Во время работы случается всякое: бывает, лопаются гусеницы бульдозеров и тракторов, рвутся буксирные тросы, трескаются шины машин. И все же колонны метр за метром углубляется в тайгу.

День сменяется ночью, сутки другими сутками. Без изменений. Главным для них считается выполнение поставленной цели, после чего они уходят дальше. А за ними на опорные пункты прибывают основные силы строителей дороги.

Перед ними тоже стоит задача – строительство жилых поселков и самой магистрали. Проходят месяцы, и таежные просеки становятся поселками с клубами и школами, магазинами и кафе, столовыми и детскими садами. Такими, как сейчас они выглядят.

Теперь люди живут в общежитиях и добротных домах, где слышны звонки в построенных школах, проходят вечера в новых клубах, открыты двери кафе, действуют магазины, столовые, бани, детские сады, прачечные и многие другие учреждения быта и культуры. Там работают радио и телевидение.

Новосёлы выращивают на таежных грядках овощи. В новых городках выпекают свой ароматный хлеб, в подсобных хозяйствах надаивают от коров свое, местное молоко.

Молодые строители и железнодорожники справляют комсомольские свадьбы. Вчерашние комсомольцы-добровольцы, а сегодняшние жители бамовских поселков и городов становятся отцами.

Везде кипит жизнь. Такая же, как везде. И все же другая: с особым ритмом, – жизнь, где обычные будни почти подвиг, а люди – герои.

Мужчина с бокового места закончил рассказывать о службе своего сына. Женщины много нового почерпнула из этого стихийно возникшего разговора. Столь доступно и правдиво о стройке никто нигде не писал и не рассказывал.

За 9 дней в плацкартном купе было оговорено много тем. У многих пассажиров нашлись общие интересы, они запаслись жизненно важными знаниями. И расставались Катя и Вера с остающимися в вагоне пассажирами уже друзьями. Тетя Валя вместе с другими пассажирами, прощально махая руками из окна, отправилась в поезде «Россия» дальше, а они вышли на станции Бамовской.

БАМ встретил их морозом под минус 50 градусов. Катя даже не заметила, как по дороге от поезда до вокзала отморозила щеки, уши и кончик носа. А ей-то погода показалась идеальной. В Грозном при температуре в два градуса с ветерком мороз даже под пальто пробирался. А здесь было очень даже комфортно при -50.

Стоило ей показаться в дверях маленького вокзала, как какой-то молодой человек выскочил на перрон, набрал снега. И с ее немого разрешения стал растирать отмороженные места на ее лице. Транзитники, ожидающие поезда на Тынду, показывали новые места для растирания и помогали оттирать их у других пассажиров, рассказывали о своих случаях отморожения и необходимости обязательно следить за подобными случаями.

– Иначе, – говорили, – могут быть отмирание этих мест или даже летальный исход.

Со станции Бамовской все пассажиры ночью отправились рабочим поездом «Чита-Тында». В вагоне стояла полутьма. Кто из пассажиров не спал, разговаривали тихо, чтобы не разбудить отдыхающих.

Уставшая, Вера спала, как всегда, на верхней полке. Катя полу сидела на нижней. Она размышляла о своей предстоящей жизни. И прислушивалась к беседе мужчины и женщины на боковой полке, которые увлеченно говорили о своей жизни в этих краях.

Мужчина рассказывал, что о стройке он узнал весной 1974 г., когда еще в армии служил:

– В свободное время мы с друзьями сидели в Ленинском уголке. Каждый занимался своим делом: кто письма писал, кто к гимнастерке воротничок пришивал, а кто играл в шахматы. Мы с армейским товарищем просто разговаривали и одновременно смотрели телевидение. Выступал президент страны Л. И. Брежнев.

«Целина, – говорил он, – не кончается казахстанскими степями. Это теперь и начинающаяся комсомольская стройка – строительство Байкало-Амурской магистрали, которая пересечет всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. Она откроет путь к созданию нового крупного промышленного района: вдоль нее вырастут поселки и города, промышленные предприятия и рудники, разумеется, будут вспаханы и освоены новые земли...»

Нас настолько заинтересовали грядущие работы на БАМе, что мы с товарищем сразу после демобилизации рванули туда. И не жалеем. Самим теперь не верится, что мы являемся частичкой в решении задач партии.

Женщина согласилась:

– Я сама сюда приехала издалека. На постоянной медсестрой работала. Но тогда нужны были только строители. Вот и направили меня работать в строительную бригаду. Пробивались мы с бригадой через тайгу, жили в палатках. Все было: и бешеные ветра, и комарье, и, казалось, нестерпимые морозы. А ничего, все выдержали. И планы работы выполняли и даже перевы-

полняли. Здесь же нашла свою судьбу. Вышла замуж, двое детишек у нас с мужем. Они уже в детский садик ходят.

Моя бывшая бригада стала бригадой социалистического труда. Мы работали так, чтобы соответствовать этому званию. Многие заочно окончили институты. И теперь уже инженеры на строительстве, в бытовом обслуживании, в торговле. А скоро некоторые будут на эксплуатации построенной дороги работать. Я выучилась на врача-терапевта. Теперь живу в Северобайкальске и работаю в больнице.

– А какими путями теперь в Тынду забросило? – отозвался мужчина.

– Семинар у нас там. Уже сегодня начинается. – Женщина говорила спокойно с некоторыми нотками гордости за причастность к великому делу.

– Если не секрет, где ваш муж работает? – поинтересовался мужчина.

– Никаких секретов нет. Если говорить честно, то муж у меня известный на железке человек. Сначала он просто был бригадиром нашего коллектива. Потом выучился, стал руководителем. И теперь делится опытом с другими бамовцами.

Приехал он на БАМ в числе первых строителей в начале 74-го года. Я чуть позже. В свою бригаду члены подбирались не только по профессиональным навыкам, но и по близости духа. В Звездном был театр. И в нее брали желающих участвовать в постановках. То, что кто-то там чего-то не умел – не страшно. Научиться можно всему.

– Так получилось, что на стройке сложилось новое человеческое общество: бамовцы. Это не те люди, что приехали с материка. Тогда они были, каждый сам по себе. А, став бамовцами, привыкли больше работы брать на себя, чем требовать от других. И жить по принципу: кто, если не я.

Помните, знаменитый строитель-бамовец Александр Бондаренко в интервью как-то сказал:» Бамовец – это не профессия, а призвание». И это правильно. Кстати, я и сам бригадиром работаю. Может, слышали про Варшавского?

– Конечно, слышала. Как же, – Герой Социалистического Труда, бригадир путеукладчиков Читинского участка. Так же?

Мужчина кивнул головой в знак согласия.

У женщины загорелись глаза:

– Вот видите, как тесен мир. Мы, люди из разных республик и областей, едем вместе на рабочем поезде. И запросто разговариваем, легко знакомимся и здороваемся за руку с известными рабочими, артистами, космонавтами. На стройке мы все равны. Разве возможно такое общение в местах, где мы жили и работали раньше?!

– Думаю, вряд ли. Во-первых, там многие больше думают о себе, чем о тех, кто рядом. И чем дальше, тем больше людей появляется с желанием жить шикарно, по-европейски.

Женщина вдруг встrepенулась. Было видно, она что-то вспомнила:

– Кстати, о европейцах. БАМ гремит не только в нашей стране. Я читала, один советский ученый ездил по туристической путевке в ФРГ. Оттуда он привез номер немецкой газеты, где западногерманский журналист пишет: «БАМ – символ беспримерного свершения... предвестник того времени, когда Советский Союз будет богатейшей страной на Земле».

Так что о наших победах не в силах молчать даже западные корреспонденты. Представляете, буржуазная газета вынуждена признать магистраль беспримерным свершением.

– Полностью с вами согласен. А вот героями, как нас называют в прессе, ни один человек на стройке себя не чувствует. Живем, как все: работаем на совесть, мечтаем, растим детей, в свободное время жарим шашлыки и слушаем музыку, заготавливаем на зиму грибы и ягоды, которых здесь немало. Многие у нас любят ходить на рыбалку или на охоту. Я, например, большой любитель природы. Многие путешествовать выезжают за границу, куда-нибудь на курорты.

Бамовцев, как помните, всегда поощряли поездками за границу, но я там ни разу не был. И всегда, если предлагали путевку, отказывался: считаю, и в России есть места, достойные, чтобы их увидели советские люди. Россию всю не объездишь и всю не посмотришь за целую жизнь, как бы ни хотелось. На все уголки мира все равно не хватит ни жизни, ни времени. И, естественно, не хватит средств.

– А мы тоже не ездим за границу, любим отпуска проводить всей семьей у своих родителей. А если остаемся дома, тоже не скучаем. Байкал и тайга рядом, друзей достаточно. Обожаю эти места. Кроме того, нас не забывают артисты: приезжают очень часто.

Было видно, женщине приятно предаваться воспоминаниям.

От наплыва чувств и мужчина стал растирать ладони своих рук:

– Вот-вот! Помню ажиотаж, когда в этом году в Тынде на фестивале патриотической гитарной песни появился Дин Рид. Из всех городов и поселков работники стройки устремились на встречу с ним. А он совсем простым парнем оказался. Здоровался за руку и с удовольствием разговаривал со всеми, кто подходил к нему. И пел так задушевно!

– Да-да, он еще приезжал тогда с белорусским ансамблем «Верасы» и казахской певицей. Забыла, как ее фамилия.

– Как же ее? Лариса Кун- Кан-.. Да, Кандалова, кажется. Уникальный человек этот Дин Рид! Я бы даже сказал, исторический. Он пел на крыше первого состава в Кунерму, в Бурятии на незнакомой лошади брал препятствия на пути следования, так как в молодости был ковбоем.

– А еще, если помните, на съемках какого-то фильма он взбирался по железным переплетам на самый верх железнодорожного моста. Разве можно такое забыть!?! – А в мою память врезались его слова перед любым из его концертов. Помните?

– Вот-вот!

– Я пытаюсь понять ваш русский характер, – говорил он. – Наверное, вы могли иметь больше роскоши и дорогих товаров, богаче жить. Но вы помогаете всем народам мира. Вы не знаете лично детишек в этих странах, но очень хотите, чтобы они учили в школах мирные науки, как и ваши дети. Я люблю и уважаю вас за вашу силу воли и целеустремленность. Из больших городов вы приехали в этот суровый край строить дорогу будущего.

– Мы, молодые, просто от гордости лопались от его слов. Значит, не зря мы боремся с трудностями, если даже за границей понимают наш порыв. И вообще, о здешней жизни в сердце моем хранятся только теплые воспоминания. Даже тяжелые работы и суровые природные условия не смогут их стереть из памяти. А сколько было встреч с интересными людьми. Кто-то приезжал к нам по обмену опытом, куда-то ездили мы посмотреть на жизнь других коллективов.

– Да, такое не забудется никогда. Мы видели и выдающихся артистов, и спортсменов, и космонавтов. Были в гостях также заслуженные фронтовики, орденосцы. Где бы мы еще с ними пообщались, поговорили, как не здесь?

Катя почувствовала весь пафос здешней жизни. БАМ жил и теперь живет, спустя много лет с начала своего строительства, патриотическими порывами. Комсомол и партия рука об руку работают по-ударному для создания жизни, достойной советских людей.

ГЛАВА 2. ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ НЕМНОГО. ВСТРЕЧА С БОЙЦАМИ ОТРЯДА

ПОДГЛАВА 1. ДО МОГОТА АВТОБУСОМ

В пути из Грозного до места предстоящей жизни Катя узнала много нового и важного. В школе ровесники считали ее слишком идейной. И она все больше убеждалась: здесь ей самое место. Она будет жить и работать так, как и все тут: не жалея сил.

Собеседники за разговором, видимо, не заметили, как к ним подкрался сон. Задремала и Катя. Проснулась она от нарастающего шума в вагоне.

Тында появилась на горизонте вся в тумане от стоящего там мороза. Котельные со всех сторон дымили в небо. Было раннее утро. Вокруг вагонов сновали тепло одетые железнодорожники и другие бамовцы. Все спешили на работу.

Вокзалом оказался маленький вагончик слева от первого пути. Новые знакомые по Бамовской, что помогали женщинам бороться с обморожениями, посоветовали:

– Вам надо сейчас пройти немного назад. Там увидите скопление народа. Это будет автобусная остановка. Сядете на городской автобус, и выйдете из него на второй остановке. Справа будет автостанция.

– Спасибо вам.

Катя с Верой так и поступили. Автобус тронулся. Он проехал немного по дороге возле замерзшей реки, переехал по мосту с обледенелыми перилами, потом проскользил мимо временного жилья. И вскоре остановился возле автостанции, – небольшого помещения, забитого пассажирами так, как железная банка селедкой.

Внутри помещения было всего одно маленькое окошко кассы для продажи билетов во все направления. А вокруг него толпилось около сотни желающих уехать.

Катя заняла очередь в кассу. А Вера пошла на почту, – новое, красивое здание из бетона и стекла через дорогу от автостанции.

Пока Катя стояла в очереди, где все толкались и галдели, как утки перед кормежкой, Вера на почте получила письмо «до востребования» от мужа. Возле окошка в автостанции она появилась, когда уже подходила их очередь. И сказала, что билеты надо покупать до Могота. Грозненский отряд обосновался там.

Здесь народ оказался на редкость словоохотливым и доброжелательным:

– Вам повезло. Нужный вам поселок находится в 80 километрах отсюда.

– А автобусом туда можно добраться?

– Конечно, покупайте сейчас билеты. Скоро его отправление.

Только они приобрели билеты, как объявили посадку на их рейс. Они заняли места в автобусе. И он тронулся с места.

Катя и Вера прильнули к окну. И стали любоваться северными пейзажами Тынды. Перед их глазами проносились дома, бараки и пэдэушки, одни предприятия сменялись другими. Везде копошились люди. Их объединяло одно слово – бамовцы.

На местах, позади Кати и Веры, сидели два парня. Они приехали на эксплуатацию дороги, как и их мужья, с отрядом железнодорожников. Но уже были немного знакомы с маршрутом автобуса и мелькающими мимо окон достопримечательностями. Особенно выделялся своими познаниями один из них.

– А знаешь, почему Тынду так называли? – спросил он своего попутчика. Тот пожал плечами:

- Слышал, какая-то легенда по этому поводу есть.
- Рассказать?
- Валяй. Неплохо, когда знаешь место, где живешь.

И первый молодой человек сказал:

– Раньше в долине реки жило племя эвенков. В нем была очень некрасивая принцесса по имени Тэндэ с воспитавшим ее отцом. Ее мать умерла, когда она была еще малюткой. Отец долго пытался выдать ее замуж. Все женихи разбежались от ее вида. Однажды в их племя забрел охотник. И остался жить в племени. Принцесса влюбилась в него с первого взгляда и захотела выйти за него замуж. Тэндэ ему не нравилась, и охотник сбежал от нее прямо со свадьбы. Скитался по тайге. И погиб от зубов волка. Девушка наметила себе для ожидания полгода. В полдень дня, когда исполнилось полгода, ей рассказали о смерти любимого мужчины. Она бросилась с обрыва в реку. Отец ее умер через месяц после нее. Реку назвали в честь той девушки, а уже в нынешнее время и городу дали название Тында.

- Так Тында совсем недавно стала городом?
- Да, городом и столицей магистрали он стал в ноябре 1975 года.

Строят Тынду москвичи. Новый микрорайон они застроили сначала девятиэтажными домами, а через два года тут появились еще и четыре шестнадцатипятиэтажных жилых дома. Они пока самые высокие в области.

В городе много московских названий: главная улица называется Красной Пресней, на ней есть кафе «Арбат». Один из временных посёлков города, на правом берегу реки за стадионом БАМ, застроенный бараками, прозван жителями «Сокольниками», есть улицы Московских строителей, Московский бульвар.

Немало в городе домов, которые жители называют «Домами новых московских серий» и «Старых московских серий».

Женщины прислушивались к рассказу парня. Им здесь жить. Значит, надо все знать об этой местности и ее людях.

За окном подул сильный ветер и закружил в вихре крупный снег. Началась метель. Вдоль дороги стояли деревья-великаны: в основном сосны да лиственницы. Иногда попадались ели, березы и много кустарников.

- Ой, Катя, смотри: белка вверх по дереву бежит, – прижалась лицом к окну Вера.
- Ух, ты! А вон еще две с ветки на ветку прыгают.

Катя с попутчицей долго еще вглядывались в кроны мелькающих деревьев. Все для них здесь было интересным.

Остался позади город. И мимо окон мелькали одно за другим густые заросли деревьев. Тайга все больше покрывалась снежным покрывалом. И только что хорошо обозначенные дороги стали уже малозаметными. Вокруг образовались снежные наносы. И к тайге можно было добраться, если только на снегоходе.

Через несколько минут автобус заскользил по пустынной трассе. Парень, что был хорошо знаком с местностью, сказал попутчику:

- Сейчас Цыганка будет.
- А там что, цыгане живут? – удивился второй парень.
- Цыгане тут не причем. Это просто ручей, впадающий в реку Могот. Название ручья идет от утки цыганки, которых здесь много, – ухмыльнулся знаток местности, по которой скользили колеса автобуса.

А за окнами разыгралась такая метель, что ничего уже не было видно. Мужчины еще недолго поговорили об охоте и замолчали. Видимо, задремали.

Катю радовала окружающая ее местность с реками, ручьями и тайгой. Они с мужем любили отдых на природе, рыбалку или охоту, сбор ягод и грибов. Все это в Грозном были просто невозможно из-за отсутствия снега. Если он появлялся, только и можно было – прока-

тить детишек на санках. И он таял. Какая же лафа детворе будет здесь с горками, санками, лыжами и снежками!

Как-то, когда Катя была еще маленькой, в новогоднюю ночь выпал пушистый снежок. Горожане, побросав свои места за столом, ринулись играть в снежки, а дети кувыряться и валяться в сугробах. Потом такое случалось редко и ненадолго. А здесь за окном сыпался и сыпался белый снег на тайгу, автобус и дорогу.

От раздумий женщину оторвали те же молодые ребята, что дремали за спинкой ее сиденья. Всезнающий молодой человек растолкал своего попутчика и громко заявил:

– Смотри, смотри! Видишь слева телевышку? Говорят, она принимает сигналы даже из космоса. И космонавты оттуда шлют свои сообщения на землю.

– Круто, – сказал второй парень. – И что же с этими сигналами бывает потом?

– Ну, не знаю. Наверное, они передаются в Москву?!

Автобус, несмотря на ветер и снег, продолжал быстро продвигаться вперед. Вскоре он чуть притормозил и напротив щита «Могот. Горькийбамстрой» повернул вправо. Снег на улице прекратился. Но продолжал дуть сильный ветер. Трасса от ветра была почти без наносов.

Автобус ехал по дороге, которая с двух сторон была окружена чудными местами. Больше всего здесь росло лиственниц и каких-то кустарников, склоненных к земле.

– А что это за кустарник, у которого ветви на земле лежат?

– Это кедровый стланик – близкий родственник сибирского кедра.

Он стелется по земле, и образует над землей чашеобразную крону, приподнятую над ней примерно на метр.

– И что, на них растут орехи?

– Говорят, да. Они такие же по вкусу, как у кедра. Только более мелкие. И называют их кедрочом.

Таежные деревья гнулись под силой ветра, но не сдавались. А тут же выпрямлялись и снова гнулись. То тут, то там мелькали странным образом сохранившиеся на ветках гроздьи рябины. Бабушка говорила, где растет рябина, жди благодати и удачи. А сквозь наносы снега на ягодных кустах виднелись даже под натиском сильных ветров не опавшие с кустов синие ягоды.

На сердце Кати потеплело от увиденной картины.

Тем временем невольный «экскурсовод» продолжал потихоньку рассказывать своему напарнику:

– Представь, каждый из поселков здесь построен посланцами какой-нибудь республики, области или края. Могот стал поселком, благодаря строителям из Горького, Тынду строили москвичи, Хорогочи появился благодаря Свердловску, а Северобайкальск построен руками ленинградцев. И в каждом поселке знают и помнят об этом.

Опять наступила тишина. Проснулась Вера. Ее мало интересовали посторонние разговоры. Или она сильно устала от длительного пути, или настолько была поглощена своими переживаниями, что ничего вокруг не хотела видеть и слышать.

Кате думалось: ей сильно повезло, что везде рядом с нею оказывались небезразличные и простые люди. Она очень любила людей простых и открытых, способных сказать в лицо все, что думают. С такими людьми она чувствовала себя легко. Они понимали ее, а она их. Не надо было выискивать слова и строить из себя другого человека.

Она представляла, как обрадуется муж ее приезду. Он добрый и честный. Иной раз бывал грубым или невнимательным. Но в том, что любил ее, она была уверена, чувствовала это каждой стрункой своей души. Ей нравились его немногословность, и рассудительность.

В это время автобус продолжал свой путь по широкому мосту через реку.

Еще издали Катя с Верой увидели населенный пункт, показавшийся им очень даже обжитым. На пригорке стояли высотные дома. Вокруг них и ближе к реке виделись старые деревянные бараки и еще много улиц с яркими педешками.

Это такие небольшие деревянные домики, построенные из разноцветных деревянных блоков. Они издали казались красочными пятнами на белом фоне. Минуты через две-три автобус остановился возле деревянного навеса.

Водитель объявил:

– Могот. Конечная. Прошу на выход.

И освободил водительское место. На улице он стал обходить со всех сторон автобус, чтобы своевременно проверить его готовность для обратного рейса.

Пассажиры поспешили к выходу. Катя с Верой за ними.

– Вам надо идти в сторону высотных домов. Молодых железнодорожников, кажется, туда поселили, – показала рукой молодая женщина в сторону домов на пригорке. – Если я не ошибаюсь, в самом ближнем из них.

Вера и Катя пошли по указанному направлению. А советчица отправилась в к улице с разноцветными педешками.

Возле бараков Катя и Вера заметили высокие деревянные настилы со ступеньками от одного дома к другому. Вокруг лежал глубокий снег, и люди передвигались по этим настилам.

– А что, удобные переходы, когда много снега выпадет. Вообще в этих коробах отопительные трубы к временному жилью проходят, – засмеялись ребята, ехавшие совсем недавно с женщинами на автобусе. Они, не сговариваясь, подхватили бесчисленное количество их авосек, когда увидели мытарства Веры и Кати при затаскивании сумок на эти короба.

– Вы к кому-то из отряда приехали? – спросил «внештатный экскурсовод».

– Да, – кивнула головой Катя.

– К кому? Если не секрет.

– К мужьям: Евсееву и Дворницкому. Из Грозного.

Они поставили сумки возле входа в общежитие.

– Мы тоже с отрядом сюда приехали из Казахстана. Я – Юра Дробошевский, мой друг – Воронцов. Ваших мужей знаем. Они здесь. Привет им. А нам в соседний подъезд.

ПОДГЛАВА 2. ВСТРЕЧА С ОТРЯДОМ

Перед входной дверью высотного дома женщины остановились, отдышались. Каждая из них подумала: «Следующие несколько минут могут стать началом новой, счастливой жизни. А могут обернуться чем-то другим. Это уж, как повезет».

В холле первого этажа за стеклянной перегородкой сидела дежурная по общежитию. Не успели Катя и Вера объяснить ей причину своего приезда, как оказались в объятиях Риты и Тани, которые в эти минуты переходили из одного крыла общежития в другое. С Катей девушки были знакомы еще со времени прохождения медкомиссии. А Веру узнали на вокзале во время проводов.

Девчата были примерно Катиного возраста. Рита из тех женщин, о которых говорят «все при ней». Таня тоже была приятной внешности и комплекции. Кроме того, она была тихой и спокойной, чем отличалась от импульсивной подруги.

Девушки подхватили по две сумки из багажа «декабристок», и увлекли их за собой в правое крыло. Таня застенчиво улыбалась, а Рита на ходу тараторила:

– Как здорово, что вы приехали! Нас сюда еще 5 ноября привезли. Представляешь, Катя, Максим был уверен, что ты первая из жен приедешь! Мы не верили ему. А он все равно ждал тебя.

Катя слегка покраснела от ее слов. И улыбнулась. Как объяснить девчатам, что они с мужем, как нитка за иголкой, всегда тянутся друг за другом?!

– Он вел себя, как примерный муж. За все это время, ни с кем не уединялся, заявив сразу же в поезде, что «свое хозяйство у себя дома на фортепиано забыл»

Катя покраснела: Максим мог такое сказать.

Поднявшись на второй этаж, Рита постучала ладонью в дверь слева. И спряталась за Катю. Замок щелкнул, дверь открылась. Катя и Максим оказались лицом к лицу. Увидев перед собою жену, Максим засветился от счастья.

Она была уставшей и казалась ранимой, хрупкой и беспомощной. Ему захотелось лелеять и оберегать ее. И любить до потери пульса.

Слух о приезде Веры и Кати быстро донесся до всех бойцов отряда. Двухкомнатная квартира, в которой в одной комнате жили Максим и Саша, а в другой обитала семья, быстро наполнилась людьми. Все галдели одновременно, и, казалось, были счастливы не меньше друзей, к которым приехали супруги.

Мебели или кухонных принадлежностей для соблюдения этикета ни у кого из добровольцев еще не было. Поэтому использовалось все, что попадалось под руку. Как по взмаху волшебной палочки, на полу полупустой комнаты, где стояли только кровати, появился импровизированный стол из расстеленных на полу газет. На них женщины расставили баночки, тарелки и крышечки, принесенные комсомольцами для стихийного банкета.

Кто-то из ребят прихватил с собой две бутылки рисовой водки. Все расселись вокруг этого стола, как в пионерском лагере вокруг костра. Кто как смог. Одни примостились на подушках или сумках, другие встали просто на колени. Каждый старался самый вкусный кусок пищи подсунуть гостям.

Слегка притупив чувство голода, молодежь начала шумно и почти одновременно рассказывать о своей поездке сначала в Москву, а потом в составе Первого Всесоюзного отряда молодых железнодорожников уже на БАМ. В столице всех бойцов из разных регионов страны определили в гостиницу «Россия».

Номер Максима был на седьмом этаже в правом крыле. В комнате стояло четыре кровати и столько же прикроватных тумбочек темной полировки, телевизор и телефон. Чистые и про-

зрачные окна закрывали плотные шторы. Хотя постояльцы приносили работникам гостиницы немало хлопот, отношение к молодежи было теплое и доброжелательное.

Целые сутки гордые и счастливые комсомольцы важно посещали друг друга. Они переходили из номера в номер, знакомясь с добровольцами других отрядов. Потом они чинно спустились в ресторан, расположенный на первом этаже.

На вторые сутки всех бойцов пригласили в Колонный зал Кремля на встречу с министром путей сообщения и знаменитостями страны, прославившими ее, каждый на своем месте.

Министр путей сообщения, произнося свою длинную речь, в конце ее напутствовал молодых железнодорожников:

– В апреле 1974 года в Кремлевском дворце состоялся 17-й съезд Всесоюзного ленинского комсомольского союза молодежи. На этом съезде было принято решение отправить первый отряд комсомольцев на строительство БАМа. Предварительно были отобраны юноши и девушки с безукоризненной биографией, которые смогли бы достойно представить ВЛКСМ на стройке века.

На съезд будущие строители магистрали пришли уже в специально пошитой форме. БАМ начала строить вся страна. За этими словами – техника и продовольствие, одежда и стройматериалы, поступающие туда со всех уголков нашей Родины, отряды молодых строителей, съезжающиеся на трассу с комсомольскими путевками в руках, шефство над этим объектом республик, краев, областей, городов. И все же БАМ – это, прежде всего, железная дорога.

Вас, добровольцев – эксплуатационников от всех республик и областей много: 228 бойцов отряда владеют железнодорожными специальностями, у 136 человек – высшее и среднетехническое образование. 50 – члены КПСС, 468 – комсомольцы. Вы пока еще молоды и полны сил и стремлений. Помните: стремясь к идеалу в своей жизни, не следует забывать, что всякий честный труд, каким бы он ни был, достоин уважения. Трудитесь по-ударному, любите свой труд и Родину. И вы получите удовлетворение от работы.

Затем дали слово легендарному в то время одиннадцатикратному чемпиону мира и Олимпийских игр Владиславу Третьяку. Он, обвешанный медалями, признался молодежи:

– Тяжело носить завоеванные медали, но еще труднее было их добывать! Зато есть поговорка: «Трудно в ученье, легко в бою». Помните это. Кто не стремится к победе, всегда будет ползти в хвосте. Главное трудиться на совесть и рваться к вершинам. А «медали за спорт и за труд из одного металла льют». Вас ждут впереди свои собственные медали. У вас все впереди!

Под конец праздника состоялся концерт. Перед железнодорожниками пели знаменитые и малоизвестные певцы о БАМе, о Родине, о патриотизме и любви. Каждый из артистов старался поддержать молодежь, вселить в них веру в правильность собственного порыва.

Все понимали: после таких напутствий и веры в собственные силы ни один из добровольцев не станет заниматься, чем попало и как попало. Их звала на помощь Родина. И они будут честно трудиться во благо ей и родной партии.

В память о встрече в Колонном зале комсомольцам вручили книги Л. И. Брежнева «Возрождение», «Малая земля» и «Целина» и грампластинки с песнями в исполнении Юрия Антонова и ансамблей «Песняры», «Пламя» и «Самоцветы».

Грозненцы вскладчину купили проигрыватель и теперь, собираясь вместе, веселились под музыку любимых исполнителей.

Ближе к вечеру добровольцев отвезли на вокзал. И в полночь из Москвы в Тынду отправились 550 человек – первых эксплуатационников трассы. Будущих железнодорожников встречали и провожали митингами едва не на всех станциях Транссиба.

Особенно теплыми были встречи в Тайге и Тайшете, откуда были командир отряда Борис Устюжанин и комиссар Алексей Сорокин. В депо там с обоими прощались с большим сожа-

лением: парни были гордостью двух дорог – Красноярской и Восточно-Сибирской, лауреаты премии Ленинского комсомола, почетные железнодорожники.

Вагоны для бойцов были все плацкартные. С этим же эшелоном добирались до места будущей работы специалисты-железнодорожники, которым предстояло занять высокие посты на железнодорожной ветке. А в товарных вагонах везли спецодежду для будущих работников.

В одном купе с Максимом ехали Саша Клочков, Андрей Еремеев, Стас Дворницкий, Виктор Цепух и Миша Тарусин. Вся дорога прошла в беседах. Кроме того, там, где молодые, обязательно бывает выпивка. Вагоны до ночи гудели, как улей. Даже если захочешь, при таком шуме не уснешь. После полуночи становилось тише. Вагоны погружались в сон.

В три часа одной из ночей спавший на верхней боковой полке Саша Клочков неудачно повернулся на другой бок. И с грохотом оказался на полу. Вагон стал раскачиваться. Пассажиры повскакивали с мест. Долго потом не смолкал хохот в вагоне, стоило кому-нибудь вспомнить об этом эпизоде.

После этого случая Максим поменялся с Сашей местами. А поезд продолжил стремительно приближаться к заветной цели.

После Красноярска заработал отдел кадров: всех добровольцев распределили по населенным пунктам дороги с учетом потребности в работниках разных специальностей. Отряд из Грозного обосновали в поселке Могот Амурской области.

Туда же распределили ребят из Казахстана, Бурятии, Эстонии, Узбекистана, Латвии и Белоруссии. Всего 150 человек. Семейным добровольцам пообещали сразу по приезду в поселок предоставить квартиры, одиноким – комнаты в общежитии. Впоследствии было решено давать благоустроенное жилье после приезда семьи.

Добровольцы приехали в Тынду 5 ноября 1979 года. Суровая природа стройки встретила механизаторов и путейцев, мостовиков и связистов жгучими морозами за минус 40 градусов и ураганными ветрами с метелями. Теплолюбивые кавказцы дрожали на ветру, как осинные листочки. Затем их отвезли в Могот. И всех поместили в теплое и благоустроенное семейное общежитие на улице Железнодорожной, именно там, где и нашли их Катя и Вера.

Во время стихийно вспыхнувшего праздничного обеда потихоньку играла музыка. Когда все наелись, и женщины убрали с пола «скатерть-самобранку», ребята включили музыку на всю громкость. В комнате начались танцы.

Катя подумала:

– Как же мы скучно раньше жили. Погрязли по уши в быту: дом, работа, дети, огород. И все снова- здорово. Только с точностью до наоборот. Свихнуться можно без разрядки.

А Максим, глядя на раскрасневшуюся от танцев жену, млел и поедал ее глазами. От этого взгляда Катя чувствовала волнение во всем теле и учащенное сердцебиение. Она физически ощущала прикосновение его бессовестно блуждающих по ее телу глаз. Все внутри нее трепетало, возбужденные груди торчали из кофточки, как груши на прилавке.

Гости вдруг засобирались по своим комнатам. Но сначала мужчины принесли кровать. И поставили ее для Максима и его жены на кухне. Вера со Стасом тоже отправились в свою однокомнатную квартиру, которую предприимчиво вовремя занял Стас.

ПОДГЛАВА 3. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА. ЭКСКУРСИЯ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ПОСЕЛКА

Наконец, Катя и Максим остались одни. Веселье покинуло пронзительную синеву глаз мужчины, в них теперь мелькали искры страсти.

Кате вдруг почудилось, будто перед нею разверзлась бездна, готовая поглотить ее всю без остатка. Она покачнулась. И тут же была обвита его руками за талию и подхвачена на руки. Максим припал к ее губам. И вот уже исчез мир с бедами и проблемами. Не осталось больше ничего, кроме любимого мужчины. Только безумные чувства, сотрясающие их души и тела.

На следующий день вся компания отправилась гурьбой осматривать с новичками поселок и его окрестности, прихватив с собою детские санки. Поселок был построен горьковчанами из СМП. А железнодорожное полотно возводили механизированные колонны.

Постоянка – место в поселке, где стояло несколько высотных домов из белого кирпича для молодых эксплуатационников магистрали. Она представляла собой маленький городок с бетонными дорогами и бордюрами. В нем были предусмотрены большой железнодорожный вокзал, почта, администрация, торговый центр, столовая и школа с детским садом.

А пока все это было во временном, барачном поселке. Лишь вокзал достраивался на своем месте. Он представлял собой красивое здание из красного камня и стекла. Перед ним была небольшая бетонная площадка, а дальше все насыпь из камней.

Друзья первым делом повели новичков в продуктовый магазин. Причем, пошли они дальним путем, а не по протоптанной дорожке. Увязая по колено в снегу, они, смеясь, падали и застревали в сугробах то одной ногой, то другой. Катя была поражена увиденной картиной.

Несмотря на сильные ветра и большой снежный покров, то тут, то там на поляне из-под снега рядом с жилыми домами выглядывали ветвистые кустарники высотой 30—50 см. У них были узкие и длинные примерно двух-трех сантиметровые листочки темно-зеленого цвета с оставшимися на кустиках синими, сочными ягодами. Катя воскликнула:

– Ой, смотрите! Это ж черника! Только почему она с сизоватым налетом? И бросилась к увиденным ягодам. Чернику видела она еще в детстве. Когда ей было десять лет, родственники брали ее с собой в Белоруссию. Там в лесу и пробовала она эту ягоду.

Катин муж засмеялся:

– А это вовсе не черника, а голубика. У них совсем разный вкус.

– Ты попробуй, попробуй! Ягода от мороза становится очень сладкой! – подтолкнула Катю к кустику Рита.

Та набрала в горсть ягод. И высыпала их в рот. Блаженство на лице выдало ее оценку ягодам. Земляки радостно захлопали в ладоши.

– Тут, говорят, есть еще и другие ягоды. Много брусники, жимолости, морошки. – Максим улыбался, довольный, что сумел удивить жену.

– Еще есть малина и смородина. Они прямо в тайге растут. – Сделал добавление к сказанному друзьями Саша Клочков.

Рита, потянувшись, мечтательно посмотрела в сторону вокзала.

– А я люблю клюкву. Здесь на болотах ее много.

Катя поняла, что болотистая местность в той стороне, куда смотрела Рита.

– Ягоды ягодами, а вот грибы – это да! Строители говорят, все сопки бывают усеяны ими. Собирай, не ленись. – Максим жестом руки показал всю окружающую природу вокруг поселка. Она была впечатляющей. Сопки и тайга окружали небольшой поселок. Тайга казалась темной и неприступной.

От перспектив на будущую жизнь у девушки изогнулись брови. Она выглядела сейчас комичной и до края удивленной. Это вызывало улыбку среди друзей. Период их удивления за те несколько дней, что они здесь находились, почти прошел.

И теперь на ее лице виделись те же эмоции, что были поначалу на их физиономиях. Это их забавляло.

– А хочешь посмотреть на речку? Она здесь рядом. – Максим любил удивлять супругу.

– Конечно, хочу!

Катя была рада всему, что ее окружало.

Ребята шумною толпой прошли еще метров сто вправо. И стали углубляться вперед по натопанной дороге. По обе стороны от нее были видны деревья и кустарники.

В том числе попадался и кедровый стланик.

– Вера, посмотри, и тут стланик!

– Ага! Видно, он не прихотлив. И растет везде.

Максим добавил:

– Где он растет, там хорошие охотничьи угодья. Ребята говорят, что в урожайные годы, в зарослях стланика можно встретить медведя, выследить соболя, белку, глухаря и дикушу.

– Что еще за дикуша? Что-то я не встречалась с таким видом.

– Ну, это птица, созданная Богом для голодающего охотника. Когда у него не идет охота, он может с помощью палки и петли на ней снять с дерева дикушу. Они совсем не боятся людей и сидят круглые комочки на деревьях, как яблоки на яблоне. Они похожи на рябчиков, только более круглые.

Впереди Катя увидела камни. И, наконец, показалась река. О том, что это река, она поняла по оживлению среди ребят. Вместо воды на реке во все стороны был виден лед. Лишь берега выдавали, что здесь проходит река.

Катя никогда не видела промерзших рек. И это открытие ее удивило.

– Это Могот. Он впадает в Гилюй, а потом уже в Зейское водохранилище. Название реке дано эвенками. В переводе с их языка – это завал на реке. А поселок потом уж стал называться, как и река, Моготом.

– А ты что, думала, при здешних морозах река не замерзнет?! Да тут реки на метр, а то и два промерзают полностью. А когда становится тепло, начинается ледоход, – сказал потихоньку Максим, заметив ее замешательство при виде полностью замерзшей реки. – Это, когда лед начинает подтаивать и в течение нескольких дней нести ледяные глыбы по течению реки.

Максиму надо было быть учителем. Он всегда любил блеснуть своими знаниями. И, надо сказать, делал это мастерски, с чувством, с толком, с расстановкой.

«Век живи, век учись и все равно останешься неучем», – подумала Катя. Сколько в жизни происходит всего, о чем мы даже не подозреваем. На юге, где она прожила двадцать три года, реки не замерзают зимой и не бывает никаких ледоходов по весне.

Осмотрев реку и местность вокруг нее, ребята отправились в обратную сторону мимо многоэтажных домов, барачных педешек. Теперь уже шли по натоптанной тропинке, то перешагивая через строительные материалы, то поднимаясь на короба с отопительными трубами, а то и по ровной, но заснеженной поверхности земли.

Комсомолы, глядя на неподдельный восторг и удивление Кати, улыбались и хитро перемигивались, словно давали понять: смотри, смотри, то ли еще будет.

Сначала на пути молодежи попала собственная поселковая пекарня. Аромат свежеспеченного хлеба Катя учуяла еще задолго до появления небольшого деревянного здания. А уж когда комсомолы поравнялись магазином, пройти мимо него у нее не хватило сил.

Она в сопровождении целой ватаги комсомольцев вошла в его маленькое помещение при самой пекарне и обомлела. Хлеб был самый разнообразный. Больше приглянулся обыкновенный, но высокий и необычайно запашистый. А рядом красовался сладкий хлеб с изюмом. Ей ничего не оставалось, как взять на пробу хлеба разных видов.

Полная продавщица маленького, как и Катя роста, приветливо улыбалась, подавая ей заказанные хлебобродукты:

- Приходите еще. У нас всегда огромный выбор.
- Обязательно приду, – улыбнулась Катя, довольная гостеприимством продавщицы.

Затем справа от ребят показалось здание столовой, ярко раскрашенное в желто-синие краски. На окнах в столовой виднелись дорогие тюлевые занавеси. Из открытой форточки до ноздрей прохожих доносился вкусный запах приготовленной пищи.

Издали показались капитальные деревянные разноцветные бараки, в которых находились администрация, почта, школа, клуб и больница. Все эти дома тоже были окрашены в сине-желтые цвета.

Продуктовым магазином оказался большущий барак с высокими ступеньками перед входом. Войдя в огромный торговый зал магазина, Катя даже растерялась: стойки с товарами высились в четыре ряда. Они были просто завалены разнообразными продуктами. Глаза разбежались в разные стороны.

Чего тут только не было: целые туши различного мяса, разнообразные виды колбас, сыров и копченостей. Большой выбор всевозможных консервов мясных, рыбных и молочных, сливочное масло. В общем, все, что твоей душе угодно.

В их родном городе-столице автономной республики – таких магазинов и то было всего один или два в центре города. А тут всего лишь таежный поселок и такой выбор. Знакомые в Грозном пугали Катю с мужем, что на БАМе ничего нет. Что продукты в поселки забрасывают вертолетами только самые необходимые и в малом количестве.

Внезапно Катю разобрал смех. Она от души хохотала, вытирая рукавом слезы. Она, захлебываясь от смеха, рассказывала им:

– Перед поездкой на БАМ мы мужем по совету «знающих людей» залечили зубы, в чемодан Максима накупили лекарств и шприцов, так как «всезнайки» сказали, что там, куда мы собираемся ехать, глухая тайга без больниц, аптек и магазинов.

Друзья стали похихатывать.

– Еще я, как любящая жена, набила чемодан рыбными консервами и готовыми полуфабрикатами супчиков.

– А что они нам очень помогли поначалу. Деньги у многих быстро кончились, до зарплаты далеко, – сквозь смех пробормотал Максим. – А еще я взял с собой все необходимое для рыбалки и охоты, – повысил он голос, – А это еще один огромный чемодан. И таскал все это из одного поезда в другой. Хорошо, хоть вы иногда помогали.

– То-то я думал, когда нес этот чемодан: у тебя там кирпичи что ли?! – лицо Клочкова скривилось от смеха.

Теперь уже хохотали всей гурьбой, стоя посреди торгового зала.

На комсомольцев стала косо поглядывать заведующая магазином. Они мало-помалу успокоились, рассеялись по магазину и принялись выбирать товар для покупки. Оказывается, в таежном поселке есть чудесная рабочая столовая, пять прекрасных магазинов и все необходимые учреждения, которые не уступали по оснащенности и кадрам самым лучшим городским учреждениям на западе страны.

Назад возвращались по накатанной снежной дорожке. Парни по очереди катили санки, доверху наполненные продуктами. Все улыбались, подтрунивали друг над другом. Но никто не обижался. Чувствовалось единение душ и желание жить интересной и насыщенной жизнью.

Никто из друзей не высказывался о желании быстро обогатиться и покинуть эти суровые края. Всем нравилось жить и работать на комсомольской стройке, любоваться природой. Катю это радовало. Она опасалась увидеть среди комсомольцев рвачей или карьеристов.

Нашлись, конечно, через некоторое время и такие комсомольцы, кто дрогнул перед трудностями, перед суровой природой. Но их было мало. Лишь один из Грозненского отряда покинул Могот, посчитав, что не за такими заработками он ехал на Север. И еще Таня вернулась в Грозный из-за тяжелой болезни родителей. Ее провожали со стройки с сожалением. Хорошая была девушка. Остальной состав отряда долгие годы работал и сохранял дружеские отношения на зависть посланцам из других республик, краев и областей.

Жизнь была ключом. Каждый день в поселок приезжал кто-нибудь из начальства, собирались собрания, много говорили и ко многому призывали. Комсомольцы жаловались, требовали и критиковали. Вера, бывшая попутчица Кати в дороге вслед за мужьями, на каждом собрании требовала перевести их с мужем в Беркамит, ссылаясь на свою и его высшую квалификации, которые они не могли применить в маленьком поселке. И ведь добилась своего.

Однажды приехал начальник Беркамитской дистанции пути Гоман Евгений Станиславович. Он прибыл на комсомольско-молодежную стройку одним поездом вместе с молодежью. В тот день он собрал актив всех отрядов в подвале общежития, где жили все отряды. Кроме актива в подвале были все, кто оказался в это время рядом. И Катя в том числе. Решались многие организационные вопросы.

В конце собрания Гоман сказал:

– Теперь о главном. После собрания, товарищи комсомольцы, соберите всех своих ребят и объявите им, чтобы срочно написали заявления на квартиры семейным и на детсады всем, кто намерен привезти своих детей на БАМ. Я пробуду здесь еще часа два.

Катя стояла возле маленького подвального окна и писала очередное письмо своим детям, которые остались на Кавказе с ее матерью. Она тут же бросила это занятие и стала строчить заявления за себя, Дворницких и Клочковых, с кем была особенно дружна.

По своему, хоть и не очень богатому жизненному опыту, она знала: в данном вопросе надо действовать быстро. Чем ближе окажется очередь, тем скорее семья получит собственное жилье и места в детском учреждении. Значит, можно будет привезти детей и выйти на работу.

Сколько она себя помнила, ее всегда считали сообразительной и способной найти выход из затруднительных ситуаций. Вот и сейчас многие еще не поняли важности поставленной задачи, а шесть заявлений грозненских комсомольцев от трех семей уже красовались первыми в списках очередников.

Пока оформляли на работу прибывших добровольцев и проводили организационные вопросы, все отряды перемешались. Если раньше каждый отряд держался особняком, теперь уже трудно было разобрать, кто откуда.

ПОДГЛАВА 4. ОТРЯД ПОПОЛНЯЕТСЯ ЖЕНАМИ БОЙЦОВ

В начале декабря приехала жена комсорга отряда с детьми примерно одного возраста с Катиными сыном и дочерью. Катя стала проводить с ними много времени, а когда оставалась одна, совсем заскучала. Она никогда не расставалась с детьми надолго. А тут на днях мать прислала телеграмму о болезни старшего сына.

Сердце, казалось, разрывалось на части, от боли за него. Будь ее воля, она бы любую эту боль перевела на себя. Но жизнь такая штука, что у каждого свой жизненный путь, который он должен пройти самостоятельно.

У нее было такое безрадостное детство, что достаточно было лишь представить несчастного ребенка, как ее сердце тут же сжималось от сочувствия. Она обожала детей. Своих и чужих. Всех.

Кате всегда было обидно вспоминать слова матери, что она несчастна с мужем по их с братом вине. Из-за них она пытается сохранить брак с человеком, отношениям с которым давно пришел конец. Кате казалось, что лучше воспитывать детей в бедности, но в любви. Мать всегда винила всех в своей неудачной жизни.

Она постоянно копила деньги на лучшую жизнь в будущем. А в реальности они жили почти впроголодь, ходили в лицеванных вещах с заплатами. Стоило Кате сказать своей матери что-то по этому поводу, следовал один и тот же ответ:

– Не барыня! Мала еще выставлять матери свои требования! Что будет, когда тебе будет шестнадцать?! И так добавлялось по году из года в год. И, как говорится, все шло по-прежнему. Любимым выражением матери было: «Голь на выдумки щедра». И Катя с братом продолжала чувствовать свою неполноценность.

Теперь, стоило им с Максимом влиться в среду уверенной молодежи и почувствовать себя равными в их рядах, появилась уверенность в себе. Самое интересное, что и семейная жизнь становилась лучше, спокойнее и размереннее. Семья ведь – не только быт, но и некое родство душ, которое появилось, кажется, именно здесь.

Кате не хотелось расставаться с мужем даже на время его рабочего дня. Правду говорят: если у женщины нет своего дела, ее занятием становится помощь мужу. Не работая нигде, она каждое утро ходила на работу вместе с Максимом и новыми друзьями. Они первые месяцы занимались расчисткой территории и здания ОЭРП. Разгоряченные от работы, они много шутили, смеялись, вспоминали и мечтали.

Рита говорила часто:

– Ребят, мне тут бурятские комсомольцы анекдот вчера рассказали Я ухоталась вся. Захотели как-то весной американские туристы на настоящую русскую охоту попасть. Привезли их в Сибирь. Идут они по тайге. Любуются разнообразием природы. И тут встречается им голодный медведь. Тот поднялся на задние лапы. И на них направился. Они рванули от него. Он за ними. По пути разнесли мангал и палатки в палаточном городке, где другие путешественники жарили шашлыки и выпивали. Путешественники за ними. Догнали, надавали по шеям. И вернулись в лагерь. Один говорит:

– А че, неплохая битва получилась.

Другой поддерживает его:

– А знаешь, один из туристов дрался очень даже неплохо для американца.

– Какой именно?

– Ну, тот, что в меховой шубе был.

Комсомольцы хохотали после каждого ее анекдота без остановки.

Руководил бригадой грозненцев Маргарян Шаварш из армянского отряда. Он имел большой опыт путевой работы, был таким же верным идеям комсомола, молодым и горячим, как и его новые подопечные. В Армении, как и в Чечне, ребенку с рождения дается два имени, чтобы злые духи не могли навредить малышу. Вторым именем бригадира было Роберт. Это имя и прижилось в общении с ним.

Вскоре в очищенном и благоустроенном здании на первом этаже обосновали околоточные кабинеты для сбора путейцев до выезда на рабочие километры. Там же поставили столы бригадирам, мастерам и техникам околотков. Здесь с путейцами проводились беседы, давались инструктажи. А также решались вопросы, связанные с работой и жизнью бригады.

Добровольцев стали вывозить на перегон. Начались путевские будни. В условиях БАМА, когда сроки выполнения поставленных задач были необычно сжатыми, а суровая природа не отдавала без борьбы ни одного метра таежного пространства, особое значение имела идейно-политическая работа с коллективом, штурмующим тайгу.

Максим сначала привел в рабочее состояние сантехнику на двух этажах здания. Потом также стал выезжать на перегон в качестве монтера пути.

По трассе из Тынды в Москву пустили первый поезд.

Не только словом, а и личным примером комсомольские вожаки вели за собой людей. Всеми этими качествами был наделен бригадир Катиных друзей. Он личным примером показывал, как надо работать, что предпринимать в трудные минуты. И вскоре путейцы разобрались в тонкостях работы. Стали повышаться их разряды и зарплаты.

Некоторые из комсомольцев, к которым еще не приехала семья, стали встречаться с одинокими девушками, чтобы скоротать время, снять стресс. Особенно выделялся среди них Роберт. Однажды он отправился в сорокаградусный мороз в легкой одежде и туфлях, чтобы выглядеть перед девушкой-красавицей таким франтом. Свидание проходило под мостом у реки.

Домой он прибежал потом, не чувствуя ног. Они у него к башмакам примерзли. Когда пришел к нему Максим за декадниками для отчета, он застал бригадира в ванне прямо в башмаках и верхней одежде.

Потом Роберт вообще перебрался в соседнее крыло дома, где жили Евсеевы, к одинокой женщине с двумя детьми. Она долго за ним ухаживала за его ласку и компанию, пока в поселке не появились мать Роберта, его жена и дети. Все с ужасом наблюдали, когда они всем семейством отправились к этой Валентине. Ну, думали: мордобоя не избежать. А ничего подобного. Они ходили к ней, чтобы выразить благодарность за уход за их Робертом, пока их не было рядом.

В семье Евсеевых, появилось больше единства и общих интересов. Раньше Катя из-за собственных комплексов стыдилась проявления чувств, прятала их за опущенными ресницами, сдерживала силой воли порывы страсти. Теперь она научилась давать им волю, ощущать близость супруга, прикосновение его ноги к ее ноге. И не отдергивала ее, как раньше, а млела от удовольствия. Ей нравилась эта нега, нравилось быть любимой и любить.

Единственное, чего ей сейчас не хватало, так это детского смеха и топота их ног по комнате. Хотя и была она совсем молодой, но, видимо, ее предназначение в этой жизни на земле – воспитание детей. Без них она тосковала.

ГЛАВА 3. ЕВСЕЕВЫ НА БАМЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

ПОДГЛАВА 1. КАТЯ ПРИВОЗИТ ДЕТЕЙ НА БАМ

Когда Максиму выдали первую зарплату, он оставил себе самую малость, остальные деньги отдал Кате и проводил ее в поездку за детьми. Десять дней пути пролетели незаметно. Когда она вышла из вагона, ее продолжало покачивать, как в поезде. Хотя в этом раскачивании она видела и некоторую пользу. Во-первых, меньше хотелось спать, а во-вторых, легче переносилась разница в 6 часов времени.

И все же курьезы от этой разницы случались. Когда рано утром все спали, Катя, уже привыкшая к бамовскому раскладу жизни, просыпалась, полная сил и оптимизма. Она стирала, готовила, шила, оформляла отправку вещей в контейнерной станции. Зато ближе к вечеру, когда соседи собирались в парке, на улице или просто выходили пообщаться на лавочке возле дома, она валилась с ног. И ничего не могла с собой поделаться.

Катя спешила вернуться с детьми к Новомуднему празднику. За три дня она собрала вещи, отправила контейнер, забрала из детского сада документы детей и купила билеты на ночной проходящий поезд. Провожал ее с детьми немногословный свекор.

В Грозном было тепло и сухо. И Катя, чтобы не таскать большое количество вещей, надела на детей валенки, а сапоги отдала свекру, чтобы их потом прислали почтой. В Москве, когда состав прибыл через полтора суток, утром был морозец. А к отправлению поезда к обеду из Москвы до Тынды снег растаял. Дети с трудом переставляли промокшие насквозь валенки.

Хорошо, что Катя взяла для них сменные тапочки. Пока она с детьми находилась в теплом поезде, обувь высохла. И очень пригодилась на БАМе, где перед их приездом бушевала метель, и навалило снегу по колено.

Дети, несмотря на ночь, безотрывно смотрели на заснеженные города и поселки, визжали при попадании снега от отряхиваемых шапок и шуб пассажиров, входящих в вагон с улицы и приносящих с собой свежесть и морозный воздух.

Ване было пять с половиной лет, его сестренке в поезде исполнилось три годика.

Пассажиры с умилением спрашивали у малышки:

– И как же зовут это милое создание с бантиками?

– Мавиночка.

– Это что за чудо-юдо такое Мавиночка?! Может, малинка? Ягодка такая лесная, – улыбались они.

– Никакая я не ягодка. И вовсе не малинка. Я – Мавиночка.

– Ясно, ты не ягодка-малинка, – говорил кто-нибудь из пассажиров, хитро прищурив глаза, – Давай тогда спросим по-другому. Как тебя мама зовет?

– Солнышко мое.

– А папа?

– Ласточка и птичка синичка, – склоняла головку вбок Марина.

– Ого, сколько у тебя имен! – в купе поднимался хохот. – Ну, ладно, маленькое наше солнышко, возьми яблочки тебе и брату.

Ваня тем временем злился, что Марина никак не могла научиться говорить свое имя, хотя мама посвящает занятиям с нею львиную долю времени.

– Ну, ты, Маринка, даешь! Мавиночка- Мавиночка, – кривил он лицо. – Стыдно слушать твои глупости.

– Ваня! Не злись, прошу тебя. Я научусь, обязательно, – обнимала его малышка.

– Вот и учись! Не позорь нас, – отпихивал ее руки старший брат.

Катя даже в поездке занималась со своим солнышком, чтобы дочка научилась выговаривать «р»:

– Мариночка, скажи: «Трон»

Та повторяла:

– Твон.

– Кран.

– Кван.

– Краб.

– Кваб, – у девочки к концу занятий появлялись слезы.

И так повторялось изо-дня в день. Казалось, она так и не сможет сказать злополучную букву. Катя уже стала подумывать, что не надо было называть дочку таким именем.

И вот в свой день рождения она впервые сказала то, что от нее требовали.

Она заглядывала потом в каждое купе, где ее привечали, и гордо сообщала:

– А я тепер-р-рь пр-р-равильно говорю свое имя – Маар-р-рина.

– Какая же ты умница, – улыбались и обнимали малышку взрослые друзья. Они так привыкли к ней и ее брату, что, когда детям через неделю в четыре часа ночи следовало выходить из поезда, многие провожали их с сожалением:

– Будьте счастливы, дети! Пусть ничто не мешает вам быть такими же непосредственными, как сейчас.

Поезд ушел. Платформа опустела. На ней осталась лишь Катя с детьми. И кое-кто из пассажиров из других вагонов. Такова жизнь: все течет и изменяется. Вот и сейчас кто-то продолжил поездку в поезде, а кто-то шел навстречу неизвестности, зная лишь то, что мама рядом, значит, ничего плохого не случится.

Никто Евсеевых не встречал, хотя Катя послала мужу телеграмму с сообщением о дне и времени прибытия. Перед нею стояло несколько неподъемных сумок. И двое маленьких детей. Страх и отчаяние охватили ее, кровь прилила к голове: как же так, я ведь писала Максиму, что везу огромные сумки?!

Мороз крепчал. Под ногами прохожих скрипел снег, успокаивая отчаявшуюся мамашу и как – бы говоря: «Соберись. Возьми себя в руки. Это радостная и беззаботная жизнь делает людей счастливыми, а беспрерывная борьба вырабатывает стойкость».

Катя повесила тогда две сумки на плечи. Две другие взяла в руки и приказала детям:

– Держитесь за эти сумки. Помогайте мне.

Ясное дело, помощи не было никакой, но появилась уверенность, что дети не отстанут и не потеряются на перроне. Она сжала от усилия челюсти и шаг за шагом продвигалась к вокзалу.

Она старалась думать, что непредвиденные обстоятельства помешали мужу встретить ее с детьми, но на самом деле чувствовала полное разочарование в нем из-за падения с пьедестала, на который в последнее время сама же усадила его. Лучше бы она продолжала, как раньше думать, что люди несовершенны с самого рождения. Тогда бы ей легче было чувствовать его невнимание.

Тут Марина заметила, что от вокзала спешит в их сторону заросший, заспанный и запыхавшийся мужчина.

– Урра! Мой папа, наконец-то, пррриехал за нами.

Она уже неслась к нему навстречу, широко расставив руки:

– Папочка, а я тепер-рь пр-равильно говор-рю Мар-рина. Я умница!?

Прохожие от умиления оглядывались, услышав тираду маленькой девочки.

– Умница и даже красавица, – целовал ее в щеку Максим, одновременно глядя по голове сына и поглядывая на расстроенную жену.

У нее при его виде пропала вся крепость духа, по щекам потекли слезы. Она сейчас была похожа на дикую кошку. Тронь ее, и она зашипит, подняв вверх когтистую лапу.

Он поспешил к ней навстречу. Забрал сумки, поставил их на пол. И обнял ее:

– Не плачь, все нормально. Я никому не позволю обижать мою любимую женщину.

Хотя обида в ней не утихла, она не вырывалась из объятий мужа, от которого, ей казалось, исходил аромат трав и тепла постели.

– Не обижайся, Катя. Я после работы ночным поездом приехал сюда, попросил дежурную разбудить, когда объявят приход поезда из Москвы. А она забыла. Я вскочил, когда уже объявили его отправление.

– А я уже растерялась: как буду добираться одна с детьми?!

Дети обвили их обоих руками. Так они в обнимку постояли с минуту. Затем заспешили в здание вокзала, чтобы не заморозить малышкой. Максим и Катя с сумками шли впереди, дети следом за ними. Все были счастливы и довольны. На Кавказе говорят: «Пламя вспыхнет снова, если помешать углю».

К новогоднему празднику они приехали в Могот. Пока Катя ездила за детьми, Максим получил комнату в общежитии на четвертом этаже. Вместе с Евсеевыми в большой комнате теперь помещались пятеро мужчин из Грозного, а в самой маленькой – Андрей Еремеев, ожидающий приезда жены и сына после праздника.

Максим, войдя в комнату, где Катя разбирала вещи, спросил:

– Кать, мы тут все скинулись понемногу, женщины готовят праздничный ужин у Цепухов в квартире. Ты пойдешь помогать или отдохнешь с детьми после дороги?

– Конечно, пойдём, – отозвалась Катя, надевая на себя платье вместо надоевших за поездку брюк.

Дети уже стояли у елки возле двери в ожидании команды: по гостям. Это было их любимым занятием. В общительности им не откажешь. Они быстро находили со всеми общий язык. Так получилось и теперь. Не успели они появиться в квартире, как уже носились наперегонки с детьми Клочковых, или мирно беседовали со всеми, кто их затрагивал.

Прошли праздники. Наступили будни.

ПОДГЛАВА 2. РАБОТА И ОТДЫХ В ПЧ.

Через некоторое время детям дали места в детском саду. Катя вышла на работу. Сначала она работала в ОРСе. Потом стала монтером пути у своего мужа, ставшего к тому времени бригадиром. Ей нравилось работать в молодежном коллективе. Там не было простоев, никто не сачковал, каждый знал свои обязанности.

Комсомольские собрания проводились чаще всего по месту работы. Путьцы приостанавливали на пятнадцать минут работу, рассаживались на поваленные деревья. Доклада на собрании не было. Выносилось предложение, например, участвовать в «корчагинской» вахте. Его принимали или нет.

– Поддерживаем! – одновременно повторяли десятки голосов и поднимали лес рук вверх.

После собрания записывали решение: «Выполнить подъему пути раньше срока. Считать долгом каждого комсомольца активно участвовать в ударном труде».

Так и было. Когда путеизмерительная машина после прохода по перегонам той или иной бригады показывала отличные баллы, путьцы радовались, как дети, что справились с поставленной задачей. И снова ставили перед собой задачи, с которыми старались выполнить, во что бы то ни стало.

После тяжелого труда можно и отдохнуть.

– Что-то мы в этом месяце совсем не отдыхали, – пора бы отвлечься от работы, предлагал Роберт.– А-то настроение совсем на ноль опустилось.

Тут же отзывался Толик Гилетий:

– Ты как всегда, прав, бригадир. Неплохо бы развлечься. Как думаете, друзья?

Начиналось веселое шевеление в АСКе. Каждый лез в карман за деньгами.

– Я такую буженину приготовила, пальчики оближете, – говорила Рита.

– А мне мама черемшу прислала, обалдеть, какую вкусную! – подавала голос Катя.

Мы ее отварили, смешали с маслом и томатом. Ой, какая прелесть!

– А у нас черемшу не варят! Когда у нее раскрывается лист, она идет на закуску, как лук или чеснок с солью. – удивлялся Саша Соколов, приехавший в поселок из Бурятии.– Ее, кстати, у нас называют диким чесноком.

– Ну, нет! На Кавказе ее копают, когда она еще только показывается из земли с закрученным листочком, – прикрыв глаза от предвкушения вкуса черемши, говорил, смакуя каждое слово, Максим.

Катя улыбалась во весь рот, потому что знала, черемшу обожают все грозненцы. Она у них там, вроде наркотика. Только наступает весна, центральный рынок заваливается ею. На столах у продавцов горы черемши. И жители города ее покупают с огромным удовольствием. А потом везде разносится запах вареного продукта.

– Ну, вы, девчата, даете! Еще до дома не доехали, а уже слюнки текут! А что, уже сезон черемши начался?

– Да, ребятки! Мы с этим холодным климатом совсем забыли, что дома уже весна, – захотели Алла и Рита одновременно:

– Максим, Надеюсь, вы с Катей не против, чтобы мы у вас развеялись?

Максим с улыбкой пожал плечами:

– А когда мы были против? Во сколько встречаемся?

– Как только умоемся, переоденемся, заберем детей из детского садика, так и придем.

Мужчины по пути с перегона заходили в магазин за рисовой водкой. Много не покупали: двух-трех бутылок хватало на весь вечер.

Первой всегда приходила Рита. Раздавался звонок в дверь, Катя спешила ее открыть. Рита с макияжем на лице, в красивом платье и туфлях на каблучке выглядела неотразимо.

До поездки на БАМ она вращалась в театральной среде, где работал ее муж. И многому научилась у актрис.

Катя косметикой не пользовалась. Просто забывала про нее. Да и чего прихорашиваться. Самый лучший макияж придумала для каждого человека природа. Но мастерство перевоплощения Риты всегда принимала с восторгом.

Потом подтягивались остальные члены бригады вместе с детьми и супругами. Комсомольцы не столько выпивали, сколько танцевали или беседовали. Детям накрывали стол в детской комнате, где они и ели, и играли.

Каждая из женщин захватывала с собой из дому что-нибудь из своих блюд. Случалось, стол ломился от изобилия закусок. И всякий раз Катя разводила большое количество морса из брусники, клюквы или голубики.

– Девчата! Мне муж с зарплаты кольцо подарил. Смотрите, какая прелесть!
На шее у Риты красовалось кольцо необычайной красоты.

– Счастливая, – вздохнула Сидорова. Мне Горяченков никогда ничего не дарит. Лучше на водку деньги изведет. Лишь бы не мне достались.

Что и говорить, выпить любил не только Горяченков. Не отставала от него и сама Света.

– Молодец Сашка! Какое это счастье, когда рядом с тобой такой галантный кавалер, – отозвалась Ежкова.

– Что вы понимаете в счастье? – Возмутилась Рита. – Разве оно в том, чтобы чем-то обладать? По-моему, счастье, когда есть свой дом, куда хочется возвращаться. В доме этом бегают дети и все здоровы. Когда есть пища и темы для разговоров.

– Какие глупости вы говорите, – вступила снова в разговор Сидорова, – счастье, когда о тебе думают и заботятся. Когда тебе с тем, кто рядом тепло и безопасно. И он не на сторону смотрит, а с тобой в одну и ту же.

Катя вздохнула:

– Когда-то мне говорила бабушка, что счастье для всех бывает разное. Я не верила. И только теперь начинаю ее понимать. Счастье, когда понимаешь, что твои дети растут достойными людьми, когда наступает мирное утро и тебе звонят друзья просто так, чтобы поинтересоваться твоим здоровьем. Да, в конце концов, отсутствие беды уже счастье. Оно у нас на каждом шагу. А мы ждем его и не хотим верить, что оно у всех разное.

В комнату после перекура в подъезде вошел Толик Гилетий:

– Ну и тему вы выбрали, девчонки. По мне, так это, когда есть деньги. И ты никому не должен. Никто тебя за это не преследует.

Он все выходные проводил в Тындинском закрытом казино, играл в карты. Часто сорил деньгами налево и направо. А теперь у него, видимо, пошла полоса невезения. И после выходных он возвращался из Тынды с синяками и ссадинами.

Музыка и танцы продолжались до глубокой ночи, потом все шли по домам. Назавтра рано утром выходить на работу. Где-то около семи часов утра после инструктажа в ОЭРП их развозили по запланированным на этот день рабочим километрам.

Активированных дней у них не было. Дождь ли, снег, а работа должна быть выполнена.

Первый околоток, куда были определены ребята из Грозного, находился с 26 по 8 километр трассы Беркатит – Тында. Из Могота до разъезда Гиллой, что находился в начале их перегона, они добирались примерно полчаса для погрузки рабочего инструмента. Там ждали, когда появится окно для дальнейшего передвижения.

Пока ждали, готовили инструмент, пилили шпалы на пласты примерно пятнадцати сантиметровой толщины, а из них потом делали палочки- пробки, которые надо было вставлять в ямку для крепкой пришивки костылей к шпале.

Как-то Рита говорит:

– Вчера смотрела передачу « Что? Где? Когда? Так вот там показали железнодорожный костыль и задали вопрос умникам: что это?

Мы с Сашкой хохотали: они сказали, что специальный большой гвоздь!

– А когда сама в первый день работы приехала домой и рассказывала, что гвоздики в рельсы забивала, не помнишь? – засмеялся ее муж.

– Теперь – то мы все умные: Костыли в шпалы забиваем, – поддакнул Маргарян.

– А я все время забывала первое время, как называются палочки, что мы в дырочки в шпалах бросаем для большего скрепления, – подала голос Катя.

– Это же пробки. Забываешь, подумай о бутылке шампанского, представь, как из нее вылетает пробка. И тут же вспомнишь.

– А чего мне вспоминать про шампанское? Я ведь не пью. Хотя, совершенно верно: так легче запомнить. Я в книжке о таком способе читала.

Тут диспетчер давал им зеленый свет, они отправлялись на участок дороги с большими километрами, которые мастер или бригадир наметили выправить.

Во время работы родителей дети находились в детском саду. В свободное от детсада время были предоставлены сами себе. Они отправлялись гурьбой на рыбалку, собирали грибы, орехи или ягоды. Иногда они брали с собой котелки своих родителей. Их подарили женщины мужчинам околотка на день Советской Армии и Флота. Малышня сама ловила рыбу и варила уху из нее.

– Вань, а пойдем сегодня купаться? – канючила младшая сестра.

– Пойдем, конечно. Мы с друзьями на обед договорились. Надо вот только порядок в комнате навести. Я маме обещал.

– А что, потом нельзя это сделать? Я купаться хочу.

– Пойди лучше свои книжки собери, разбросала по всей комнате.

– А чего их собирать, я вечером их снова читать буду.

Получалось так: родители уходили на работу, следом за ними дети в детсады. Они еще были закрыты и за малышами присматривали сторожа. Пока придут на работу воспитатели, деточки, которые были одеты в чистое, наглаженное белье, выглядели уже совсем не опрятно. Но такова жизнь. Денег на Севере за красивые глазки не платили, приходилось чем-то жертвовать.

– Папа, нам задали на трудах, чтобы мы за выходные поделку сделали.

– Ну и делай, – пожимал плечами Максим. – Почему я что-то должен с тобой делать в свой выходной. Лучше я на охоту или на рыбалку схожу.

– Вань, а вам все равно, какую поделку сделать? – интересовалась Катя.

– Ну да, лишь бы своими руками. У кого окажется лучше других, на выставку в школе поместят.

– А давай с тобой обезьянку на ветке сделаем?! У нас есть старая меховая шапка. В самый раз для поделки сойдет. И мама объяснила сыну, как сделать эту зверушку..

На следующий день Ваньному счастью не было предела: его обезьянка на выставке работ висела на самом виду:

– У меня все теперь спрашивают: неужели я эту поделку своими руками сделал?

Так она всем понравилась.

В краю, с суровыми природными условиями жизнь не раз вносила коррективы в планы. Уйти от этого нельзя. Таковы особенности профессии железнодорожника. Тайга, веками привыкшая к покою, сурово обходилась с ними. Летом в разных местах пути появлялись то вспучивания из-за таяния льда, то перекосы, то провалы пути.

Бывало, только прошел путеизмеритель и показал отличные результаты, а трасса опять вспучивалась и провисала. Тогда путейцы снова боролись за испорченные природой километры.

Раньше на месте железнодорожных путей была тайга, мари и болота. Теперь надо было содержать дорогу в идеальном порядке, приложив к этому немало сил и стараний. Безопасность

на железной дороге превыше всего. Сначала Максим «стрелял» на глаз, где, что надо сделать и отмечал фронт работ мелом на шпалах.

Женщины недовольно разговаривали между собой.

– Опять подъемка?! У меня от постоянной работы на подбойке руки даже ночью дрожат, – жаловалась Алла.

– И у нас тоже, – вздыхали Рита и Катя.

– А у меня от грохота жески плохо уши слышать стали, – возмущалась Сидорова.– Мне в больнице посоветовали при работе пользоваться берушами, чтобы не потерять слух совсем.

Тогда за подбойки брались мужчины, а женщины лопатами подбрасывали щебень под подбойку. Потом, видя, что кто-то из мужчин устал, его подменяла одна из женщин. И так постоянно: одни работали на подбойке, другие подбрасывали щебень.

Наконец, Максим выключал жеску. И наступала тишина. Казалось, нет ничего лучше момента этого звенящего безмолвия. Если работали недалеко от реки, всплеск воды слышался по-новому и шепот листвы щекотал тогда слух.

Летом каждый брал в карман готовую удочку без удилица. Когда начинался обед, если рядом была река, быстро перекусывали. И, найдя лещину, привязывали к ней леску с крючками и грузилами и начинали ловить на речных перекатах рыбу. Там хорошо клевали хариусы и ленки.

Роберт любил хвастать своими способностями. Как-то он говорит бригаде:

– Спорим, я переплыву реку по прямой. Река в этом месте была шириной примерно семь метров. Буду засранцем, если не сделаю этого!

Ребята стали спорить:

– Течение сильное. Тебя снесет.

– Какое там течение?! В реках в Армении оно и то сильнее.

Он выбрал ориентир- ветку:

– Следите. Я выплыву возле этой ветки.

И прыгнул в воду. Плыл он изо всех сил. Но течением все равно снесло его от метки метров на десять. С тех пор друзья шутливо называли его засранцем.

Молодость! Какие только испытания не приходилось испытывать ей на магистрали. И все равно она оставалась веселой, сильной и преданной комсомолу, партии и поставленным задачам. У молодежи тех лет была уверенность в завтрашнем дне. Это порождало жажду жизни и тягу к ее благам через труд. Комсомольцы не только работали, они также занимались охотой и рыбалкой, сбором грибов и ягод. Не проходило и недели, чтобы они не устроили пикника в лесу или на берегу реки.

Бывало, устанут, работая на путях, просто ноги от напряжения подкашиваются. А чуть в обед отдохнут, затратив на это минут пятнадцать. И снова на ногах:

– Девчата, кто по грибы?

– Кто по ягоды?

И разбредались, кто куда.

А мужчины шли на перекатах рыбу ловить.

После обеда хвастались, у кого рыба больше. Максим как-то два ленка почти по сорок сантиметров поймал. Все бригадные, беря их в руки, цокали языком: вот это удача!

Потом вновь работа до потери пульса, до самого приезда транспорта. Рита за время, пока доберется до места работы, обед и обратную дорогу каждый раз могла связать кому-то из семьи носки, варежки, шарф или шапку.

ПОДГЛАВА 3. МАКСИМ И ОХОТА

Максим часто уходил в пятницу вечером на охоту. Возвращался в воскресенье ночью, доставая из рюкзака несколько беличьих шкурок, тушки уток, дикуш или зайцев. Семья в это время уже спала. Катя всегда ворчала:

– Ты хоть бы часа на два раньше возвращался, чтобы я до ночи успела ошипать птицу и что-нибудь сготовить из нее.

Как-то ей это надоело. Весь поселок спит, как и ее муж-охотник, а она ночью щипает пух у дикуш. Она схватила штук 8 этих птиц и спустилась на этаж ниже. Там жил мастер ее околотка с семьей и матерью. Как – то в разговоре мать мастера заикнулась, что в любое время согласна возиться с охотничьими трофеями, потому что семья обожает мясное.

– Тетя Настя, не хотите дичью заняться? – спросила она у сонной соседки.

– Что, Максим опять принес?

– Ну, да! Уже полночь. Я с половиной добычи управилась. А на эту половину просто сил нет. Да и для сна почти не остается времени.

– Вот спасибо! Назавтра приготовлю деликатес для семьи.

Утром Максима в околотке встретили тушем. Александр Николаевич уже угостил бригаду приготовленным матерью блюдом из того, что дала ей ночью Катя.

– Ну, ты, брат, силен! Сколько же ты принес дичи, что Катя целых восемь дикуш отдала матери Александра Николаевича?

– Нормально принес. Нам хватит.

– А где же ты спишь в тайге ночью? Если не секрет, конечно!

– Какие могут быть секреты? Когда в зимовье, чаще в палатке, а иногда и на ветке.

Соколов повернул голову к Евсееву:

– Я с детских лет ходил с отцом в тайгу. Но чтобы две ночи на ветке в мороз спать, на это я не согласен.

Мастер стал уговаривать соседа:

– Максим, ну хоть раз возьми с собой.

Максим всегда был поджарым и спортивным в отличие от мастера, тучного и медлительного.

– Саша, ну что я с тобой там делать буду. В тайге охотника, как волка, ноги кормят. Я много хожу, мало отдыхаю. Это мой стиль жизни. В ближайшие выходные пойду достраивать зимовье на четырнадцатом километре.

– И я буду с тобой ходить. И помогу. Может, один-два килограмма сброшу там.

– Ладно, в следующий раз возьму тебя с собой. Только смотри, не ной. Сам напросился.

Рита с Аллой засмеялись:

– А нам потом расскажете об этой охоте?

– Обязательно, – ухмыльнулся Максим.

В следующую пятницу Максим и Саша Завалов отправились в тайгу. Лил без остановки дождь. Грязь чавкала под ногами. Максим привычный к ходьбе, шел быстро. Саша отставал. Первому приходилось останавливаться и ждать попутчика, хотя на плечах его уже были два рюкзака и два ружья.

Из-за непогоды приступили к строительству зимовья. Спилили несколько бревен. Уложили на низ. Сделали полы и положили первый ряд сруба. На полы поставили палатку, чтобы скрыться от дождя и обсохнуть.

Когда строили, оставили концы у половиц длинными. Решили: потом, по хорошей погоде все приведут в надлежащий вид. Сварили еду. Поели. И легли спать в палатке. Ружья рядом

с собой положили. Естественно, горит примус. Без него в такую погоду недолго и в ящик сыграть.

Чувствуют, по концам полов кто-то ходит. Жерди прогибаются под весом ходака, приподнимая в палатке тела охотников.

– Максим, кто там топает? – дрожащим голосом спрашивает Саша.

– Разве не понятно? Медведь.

– У тебя ружье заряжено?

– Конечно. В тайге нельзя ходить с разряженным оружием.

– А у тебя?

– Угу!

– Если что-то тебе не понравится, стреляй прямо через палатку, – успокоил мастера Максим.

– А он ее не завалит?

– Да не бойся ты! Он сейчас готовится к зимней спячке. Он сыт. И ищет место, где залечь на зиму.

Шаги по жердям стихли. Медведь ушел. Заснули. А утром проснулись, кругом лежал снег. Не было видно ни следов ночного гостя, ни последствий дождя. Мороз сковал всю грязь. Ходить стало легче.

Охоты в этот раз не получилось. Максиму пришлось проводить мастер-классы по обучению мастера поведению в тайге и стрельбе по разным видам зверей и птицы. Назад вернулись с двумя-тремя белками и несколькими тушками дикуш.

Птицу Максим отдал Александру Николаевичу.

Нелегкий труд у работников ПЧ. Особенно суровыми зимами. Даже при морозе под 60 градусов они выезжали на перегон и выполняли работу. Неуклюжие и неповоротливые в зимних одеждах путейцы, если не брали с собой модерн для перевозки рабочих инструментов, носили на своих плечах тяжеленные подбойки, домкраты, ломы, лопаты и другие инструменты. Надо сказать, одна лишь подбойка весила девятнадцать, а лом около восьми килограммов.

Иногда железная дорога была настолько загружена подвижными составами, что домой путейцы приезжали далеко за полночь. Хорошо, если погода случалась сносная. А иногда бывало, что снег валит с ветром или ливень льет, как из ведра. Тогда они были, как на ладони, на чистом месте, где не укрыться, не спрятаться.

Однажды под зиму случилось, что бригада промокла до нитки от непрекращающегося ливня. Ни фуфайки на теле, ни разожженный костер уже не помогли согреться. Тогда путейцы прижались спинами друг к другу. И дрожали, мысленно призывая в помощь Бога. Только в час ночи матресса проскочила на перегон за ними. Домой все возвращались, молча, не было сил даже о чем-то говорить.

В эту ночь дети Евсеевых не спали, они стояли у окна и вглядывались в темноту в ожидании родителей. Как только мама и папа вошли в квартиру, Марина и Ваня прижались к ним. И дали волю слезам, которые сдерживали до их возвращения. Потом сын потащил их в ванную комнату, там уже наливалась горячая вода:

– Мамочка, вы такие мокрые! Как будто на вас ведро воды вылили. А мы с Маринкой, как только увидели АСКУ, стали в ванну воду набирать.

– Да, там такой ливень за окном. А вас все не было, – Марина высказывала свои переживания.

У малышки снова из глаз хлынули слезы.

– Да хватит тебе реветь! Я же сказал, они скоро приедут.

– Ага, ты сказал скоро, а их долго не было! Уже ночь за окном и все спят. Мне было страшно.

– Чего это тебе страшно? Я же с тобой!

Родители обнимали своих заботливых детей. Прогревшись по очереди в ванной, Катя и Максим были растроганы: на столе стояла жареная картошка. Детям было тогда семь и пять лет. Пусть она оказалась, где горелой, где не совсем прожаренной. За душу взяло то, что малыши переживали за них, сами чистили картошку и сами ее жарили.

– Да мои ж вы золотые! Вы даже ужин сами приготовили. Какая красивая, поджаристая картошечка!

– Какая там она красивая! Мы долго спорили, сколько надо положить на сковороду жира, чтобы картошка не подгорела. Маринка сказала, что маленькую ложку. А я положил большую. И то мало получилось.

– Чего вы так переживаете? Лучше садитесь за стол, будем пробовать уникальное блюдо под названием «Забота и вкуснятина»! – шутил Максим.

Катя к картошке достала из шкафа маринованные грибы. Она их заготавливала на зиму всегда много. Ночной ужин получился на славу:

– Ух, как вкусно! Давно не ел ничего подобного, – смаковал папа.

– У-у-у! Какая хорошая картошечка получилась! Как я ее обожаю! А еще больше я люблю вас, – говорила мама.

И старалась обнять детей прямо за столом. Они, подбодренные похвалами, уже счастливо улыбались. И после ужина быстро заснули.

Через день Катя принесла на работу путейский журнал, в котором говорилось, что все работники, которые находятся на перегоне больше рабочего времени, имеют право на получение денег за разъездной характер работы:

– Смотрите, что я в журнале нашла. Оказывается, мы имеем право на дополнительную оплату работу далеко от поселка. А-то по десять-двенадцать часов находимся на перегоне. Не видим детей, не отдыхаем нормально перед работой! И никому до нас дела нет.

– Вот это номер! Я уже десять лет работаю на путях, и ничего не знал об этом, – удивился Роберт.

– Ну-ка, дай посмотреть! – Потянулась к журналу Рита.

Вскоре она откликнулась:

– Так ты и не мог об этом ничего знать. Это недавнее новшество.

– И что же нам теперь делать? – повис в воздухе общий вопрос путейцев.

– Надо к начальству в Беркакит ехать? – предположила Ежкова.

Катя подумала вслух:

– Думаю, для начала мы напишем письмо в редакцию. Опишем характер нашей работы. И узнаем, подходит ли к нам этот закон? И только потом, имея письменный ответ оттуда, обратимся к начальству дистанции.

Загорелся зеленый свет на семафоре. АСКа двинулась в путь. Уже на перегоне Катя составила коллективное письмо. И почти все присутствующие его подписали. В то время в околотке были уже не только грозненцы. Некоторые из новичков и отказались подписываться, боясь гнева старшего дорожного мастера.

Примерно через месяц пришел ответ, в котором черным по белому было написано, что они имеют полное право получать добавку к зарплате. Письмо показали начальству, наслушались всякого рода выговоров, но с тех пор все околотки ежемесячно стали получать энную сумму к зарплате.

ПОДГЛАВА 4. И СНОВА РЕВНОСТЬ

Не скажешь, что жизнь на БАМе для Кати была совершенно безоблачной. Максим снова стал ревновать ее ко всем. Она старалась от мужчин быть на расстоянии вытянутой руки, как горянка опускала глаза при посторонних, соседях или членах бригады, не поддерживала никогда фривольных разговоров. И все равно мужу казалось, что она не так себя ведет. Почему это к ней ходят советоваться, почему она разговаривает со всеми. Она обязана оказывать знаки внимания только своему мужу!

Как-то после застолья с мужиками из третьего околотка он позвонил в дверь и, когда Катя открыла ее, с силой отшвырнул ее от двери и бросился бегать по квартире из комнаты в комнату, ожидая увидеть кого-то постороннего. Дети уже спали. Больше всего Катя боялась, что он разбудит их. Он заглядывал под матрас и в цветочные горшки.

Потом схватил ее за волосы и потащил в спальню. А на ходу шипел в ухо:

– Я тебя выведу на чистую воду!

И хрипел:

– Пока меня нет, ты спишь с любым мужиком, который переступает порог нашей квартиры. И сегодня, наверняка, уже кувыркалась с кем-то в его отсутствие?!

– Максим, тише, дети спят. Ты что, с ума сошел? Ни с кем я не кувыркалась.

– Замолчи, женщина. Что мне твои дети?! Не прикидывайся святой. Знаю я вас. Наслышан.

Он, не стесняясь в выражениях и пытках, закрыл дверь и принялся колотить Катю, как боксерскую грушу, по голове, приговаривая:

– Это для того, чтобы твои мозги стали на место. А-то, я вижу, они на бок перевернулись, раз ты стала перечить мне. Не родилась на свет еще та, которая сможет спорить со мной.

А когда жена пыталась вывернуться из его тисков и дать хоть какой-то отпор, он поставил печать ей под глазом.

Получалось, с регулярностью одного раза в месяц Катя получала очередную порцию «горячей любви» по полной программе. Каждый раз она давала себе слово, что пошлет подальше этого хамелеона, но всегда опасалась выносить сор из избы. Да и считала, что он срывается от усталости.

Он внушал ей:

– Что ты строишь из себя хорошую жену и мать? Плохая ты любовница и мать, ни на что не способная. И пропадешь без меня, сколько ни мечтай о свободе!

Он настолько часто повторял это, что она, кажется, даже поверила в это. Стала замкнутой и забитой. А он на людях лицемерно подчеркивал:

– У меня самая лучшая жена. Она и послушная, и самобытная. А мать – просто необыкновенная, Ни у кого из детей такой матери больше нет.

Говорил на улице одно, а совсем другое.

Ей было неприятно слушать эти лицемерные речи. Но еще хуже испытывать все, живя с этим изо дня в день. Она была на грани срыва. Приходилось следить за своей речью и поступками, взвешивать каждую свою эмоцию. И каждую минуту себя спрашивать, а не поймет ли он меня опять превратно?

Она была доведена до такого состояния, что сама почти верила в обоснованность его видений и подозрений. Так низко он опустил ее в ее собственных глазах. Соперники существовали лишь в его воображении. Его ревность – это болезнь, которой не нужны факты.

К вечеру, когда долго не было мужа с работы или от друзей, все в душе Кати начинало дрожать. Дети тоже приступали взволнованно задавать вопросы»:

– Мама, а папа снова пьяный придет? Он опять драться будет?

– Не знаю, солнышки. Главное, вы не попадитесь ему на глаза.

Что еще могла сказать она, кроме неопределенного слова «не знаю»? Откуда ей знать, какое у него настроение? И какие мысли напели ему демоны в этот раз?!

Когда выдавался счастливый день, и отец приходил трезвый, радости детей не было предела. Они весь вечер играли, возились на ковре. Он учил Ваню и Марину приемам защиты от противника. Хохот то затихал, то возобновлялся снова. А иногда Максим с ними просто беседовал. На сердце у Кати было тогда тепло и спокойно. Мама и ее разговоры на разные темы – это хорошо. Но иногда без мужского участия обойтись нелегко. Особенно сыну.

Катя была простой и открытой. И любила таких же людей, простых в общении и в поступках, которые говорили бы все в глаза, не хитрили и не юлили. Пусть они даже выскажут глупость или мысль, с которой не все согласятся. С такими людьми она раскрывалась и подсознательно понимала, что они ее понимают. С ними не надо подстраиваться ни под кого, изображать из себя, неизвестно, кого.

Каждый раз после семейных стычек она стыдилась, что переносит побои, испытывала страх и унижение. Чтобы никто не знал об этих ее чувствах, она в очередной раз прощала мужа, старалась вести себя, как ни в чем не бывало. И в то же время понимала: терпение терпением, но нельзя терять уважения к себе самой. Она, хоть и женщина, но трудится плечом к плечу с мужчинами.

ПОДГЛАВА 5. ЖЕНЩИНЫ НА БАМЕ. НЕСЧАСТЬЕ У КОЛЛЕГИ

Раньше не принимали в отряды семейных людей. И все же жены отправлялись вслед за своими мужьями. И делили тяготы в освоении таежных просторов вместе с ними. Нежные женские руки создавали уют не только в своем жилье, но и в столовых, клубах, налаживали работу таежные школ и детских садов. Словом, жены строителей и молодых железнодорожников помогали магистрали, чем могли.

Дружба и товарищеская поддержка при работе на путях, что была в те годы, осталась навсегда в памяти бывших комсомольцев. Разве забудешь совместные костры и беседы возле них, помощь, которая приходила в нужный момент, красоту духовного родства, что была в те времена в их рядах?!

Как-то к Кате пришли Максим с Робертом. У них в руках были яркие, цветные рубашки.
– Катя, ты могла бы нам сделать эти две вещи приталенными, – спросил Макс.
– Конечно, сделаю.

Потом они приобрели обувь на высокой подошве, стали казаться выше. И поселок видел их теперь в обтягивающих турс рубашках и этих туфлях. За ними этой моде последовали и другие ребята.

Многие путейцы отлично познали премудрости своей профессии. Их перевели на руководящие посты, некоторые освоили работу дежурных по станциям и разъездам. И стали работать там.

Через три года работы Евсеевы подали заявление на отпуск. Недели на две раньше отдыхать в Прохладный уехала семья Аллы. Алла не хотела ехать. У нее было какое-то предчувствие приближающейся беды.

– Валера, может, не поедем сейчас. Что-то меня удерживает здесь. Как бы чего не случилось.

– Глупая! Что может случиться, если мы едем к родителям?

Она была согласна ехать, куда угодно, только не в родные края. Не прошло двух недель, пришла телеграмма, что у них случилось несчастье. Валере поездом отрезало ноги. Он в реанимации. Алла неотступно находилась возле него.

Ближайшая подруга Аллы – Рита – заказала переговоры с нею. Стала известна история Валеры. Когда они с семьей ехали поездом, он стал увлекаться посещением ресторана перед сном. А почему бы и нет? Деньги есть. Рюмочку на ночь даже врачи советуют пропустить для спокойствия и хорошего отдыха.

Однажды к нему подседа за стол симпатичная брюнетка.

– А ты, смотрю, ничего. В отпуск едешь?

– Да, с семьей еду.– Валера пытался отшить ее грубостью и наличием семьи.

Но не на ту напал:

– Жена – не стена. При желании можно и отодвинуть, – широко улыбаясь, та показала ему белоснежные зубы.

– А я не хочу никого отодвигать. Люблю свою жену и троих детей.– Злобно ответил Валера. И позвал работника ресторана:

– Сколько я должен? Мне уже достаточно.

Достал портмоне, до отказа забитое купюрами. Расплатился с официантом. И стал подниматься из-за стола.

– И все же, если что, заходи, я в пятом купе еду.

– Спасибо за сообщение. Думаю, мне это вряд ли понадобится.

– Я не говорю, что прямо сейчас приходи. Но вдруг у вас с женой разладятся отношения. Ты просто знай, мои двери для тебя всегда открыты.

Ему, видимо, было приятно, что такая красотка выделила его среди других мужчин. От самодовольства он живот в себя втянул, выпрямился и стал казаться выше. Даже задышал по-другому. Было видно, брюнетка из тех женщин, с которыми мужчина все на свете забудет.

Алла уложила детей спать. Скоро выходить, пусть наберутся сил. И пошла в сторону ресторана, поглядеть, почему задержался ее муж.

– Когда она показалась в вагоне- ресторане, брюнетка кокетливо строила глазки Валере:

– Имей в виду, красавчик! Я в соседнем вагоне.

– Ни к чему мне знать, где вы находитесь, – он не признавал похотливых отношений, с кем попало.

Да и зачем она ему, когда есть любимая женщина?

Алла хоть и была доброй от природы, почувствовала долю злорадства, что Валера не повелся на похотливый призыв этой брюнетки. Она ей сразу не понравилась: одета вызывающе, яркая и вульгарная. Но рано радовалась. Краем глаза она заметила, по знаку брюнетки в сторону ее мужа направились три кавказца:

– Ну, ты, мужик, стой, тебе говорят!

Валера продолжал идти в сторону Аллы.

– Что, не слышишь? Тебе надо уши прочистить? Да?

– Мужики! Что вам от меня надо?

– А вот сейчас мы тебе это и объясним в тамбуре!

Они стали вытеснять его в тамбур, отделяя от приближающейся Аллы.

– Что вы делаете? – Закричала она. – Милицию вызову!

В тамбуре кавказцы стали избивать мужчину, отобрали у него портмоне. И, открыв дверь, вытолкнули его под откос.

– Хочешь туда же, глупая женщина? – схватили один из них ее за локоть.

У Аллы от страха пропал голос. Она только отрицательно мотнула головой: а как же дети? Кто-то из свидетелей дернул «Стоп-кран». Поезд резко дернулся, заскрежетал и аварийно остановился. Кавказцы выпрыгнули на щебень, перелезли под поездом. И бегом отправились в сторону автодороги.

Свидетели происшествия побежали к Валере. Он лежал в конце состава возле путей. Кровь. Грязь. На нем рваная одежда. Алле, когда она подбежала к мужу, стало плохо. Ее под руки подхватила проводница:

– Уберите женщину! Вызовите начальника поезда и скорую помощь.

– Что здесь происходит? Кто стоп-краном балуется? – Из двери вагона выглянул начальник поезда.

– Да тут не до баловства, Иван Степаныч. В тамбуре драка была. Вот мужчину двое на насыпь вытолкнули.

– Кто-нибудь вызвал карету скорой помощи? – стал действовать Иван Степаныч. – Ах, она уже приехала?!

Алле сунули под нос нашатырь. И отвели в сторону. Стало ясно: Валера остался без обеих ног.

Его быстро погрузили на скорую помощь. Аллу с детьми и вещами посадили в другую машину, чтобы они не видели, какая беда постигла их мужа и отца. Примерно через месяц Алла вернулась в бригаду без мужа, но с детьми. Он остался навечно только в их памяти. Всегда такая светлая, солнечная, она выглядела ходячей куклой.

Бригада старалась ее приободрить, поднять настроение. Много месяцев спустя, она снова превратилась душу компании. Правда, оставшись без мужа, она стала объектом для охмурения мужчинами. Они почему-то считали, что без них плохо, а с ними ее обязательно постигнет счастье.

ПОДГЛАВА 6. ЕВСЕЕВЫ И ТАЕЖНЫЕ ЗВЕРИ

Как-то осенью Евсеевы с друзьями пошли в тайгу за орехами кедрового стланика. Это такое стелющееся по земле растение – ближайший родственник сибирского кедра. Он вокруг Могота рос везде, где были сопки. У него сильные корни, благодаря которым он накрепко скреплялся с землей. А густые ветви его приподнимались над землей до метра.

Сначала все шли гурьбой. Потом распределились по всему таежному массиву на расстоянии человеческого взгляда. У каждого был рюкзак или сумка для сбора орешков, которые были мельче кедровых орехов, но по вкусу и пользе мало им уступали.

У Кати уже была почти доверху наполнена сумка, когда она раздвинула ветви и нос к носу столкнулась с медведем. Они оба так испугались неожиданной встречи, что ветви мгновенно сомкнулись, как и были. Раздался треск сучьев и хруст веток – медведь ринулся бежать через кусты на открытую поляну. А побелевшая Катя, на трясущихся ногах поплелась навстречу мужу:

– Т-т-там медведь.

– Где? Покажи! – закричал муж и бросился к кустам, в направлении которых махнула рукой Катя. У него всегда был с собой нож в голенище сапога.

– Никого тут нет! Эх, ты! Трусиха!

В этот миг он увидел внизу сопки несущегося во всю прыть примерно годовалого медведя.

– Смотри, вон он! По поляне в кусты бежит!

Со всех сторон стали раздаваться предупреждающие крики друзей, чтобы все были осторожны: медведь рядом.

Друзья собрались вокруг Евсеевых:

– Откуда это медведь так неся!?! – спросил Дима Алексеев.

– Испугался Катю. Как всегда, все животные почему-то выходят на нее, – ответил Максим, обняв за плечи свою бледную жену.

Юрка Дробошевский засмеялся:

– Не такая уж она страшная, чтобы испугать медведя! Хотя, правда, все звери почему-то оказываются возле нее. В прошлый раз она встретила в лесу лося. На 16 километре козы с нею на одну полянку вышли.

Дима Алексеев добавил:

– А помните, на 18 километре, когда ваш Дик и бригадная Стрелка загнали на отвесную скалу оленя с огромными рогами, и вам с Катей пришлось на руках заносить их в АСКУ, чтобы олень, стоящий задом к обрыву, мог уйти в лес?!

Мы с ребятами наблюдали тогда за обескураженным оленем. Он ожидал выстрела, гордо обороняясь до последней минуты рогами. А тут облом: люди ушли вместе с собаками, выстрела нет. Путь свободен.

Максим вспомнил:

– Это еще что. Мы как-то с Катей были в обходе. Это после того, когда они с Ключковой предотвратили аварию на изгибе восемнадцатого километра. Шли в районе четырнадцатого километра, когда увидели, как поодаль от нас движется стая волков.

Не один, не два, а целая стая передвигается за нами параллельно железке. Вот где страху натерпелись. Хорошо, на горизонте показался грузовой состав. Мы тут же перешли на другую сторону колеи. Поезд долго грохотал, проносясь мимо нас. Когда он исчез за поворотом, хищников уже не было.

– Сказано, жена охотника. Тебе бы, Катя, дрессировщицей работать, – улыбнулся Юрка. – А у меня в голове случай: возле Гилюя на нас вышли две ничейных собаки. Кто ни звал их, ни к кому они не подошли. А ты вскоре смогла их подзвать к себе. Помнишь? – он повернулся к Кате. – Вы тогда с Максимом их обоих привели на разъезд. У одного пса, кстати, потом хозяин нашелся. А Стрелка так и осталась нашей бригадной собакой.

Орехов в тот раз набрали много. Поэтому вернулись домой.

Евсеевы любили природу. В их квартире одна комната целиком и полностью была во власти зеленых насаждений. На столе стояла огромная кадка с вишней кубинской, то усеянной белыми мелкими цветочками, то увешанной оранжевыми плодами с вишню. На подоконниках цвели фиалки в горшках, а по стенам вились вьющиеся цветы.

Когда Катя начинала скучать по Кавказу, она приходила в гостиную, любовалась пышной зеленью в цвету. Этот уголок, как рай на земле, манил к себе и давал жизненный заряд

Один раз Катя проснулась с улыбкой на лице.

– О, я вижу, ты в прекрасном расположении духа, – улыбнулся Максим.

– Представляешь, я такой чудесный сон видела: будто мы с тобой пошли на выставку цветов на ВДНХ. И там росла сирень разных сортов и расцветок. Она так колыхалась от дуновения ветра, что казалось, будто она танцует.

– И что, она очень красивая была?

– Еще какая красивая. Их, как и женщин, не бывает некрасивых. Одни отличаются обильным цветением, у других необыкновенное строение цветка, у третьих оригинальная окраска. И все это заставляет с обожанием смотреть на них. Я так скучаю по Грозному, по и его паркам и цветам. И особенно почему-то по сирени.

Более тридцати лет прошло с тех незабываемых пор. Засеребрились виски бывшей молодежи, стали взрослыми дети, размахивают школьными портфелями внуки. Были в их жизни радости и неполадки. Жизнь продолжается, идет вперед. Вот только память не раз возвращает их в прошлое.

Максима Катя вспоминает в первых рядах, где трудно, на больных перегонах железной дороги, где провалился путь или наоборот вспучился под щебнем из-за вечной мерзлоты, на аварийных километрах трасс, везде, куда позовут. И себя всегда рядом. Она и помощь оказывает ему и, и за детьми присматривает, и вместе с ним строит теплушки на перегоне для спасения от холода в зимнее время года и укрытия от палящего солнца летом.

Нелегко было мужчинам. А ей и другим женщинам разве легче было? Неустроенность быта, дети, работа, общественные поручения, заботы по дому полностью лежали на их хрупких плечах.

Любой бамавец твердо знает, что в труде, который «вложен» любым из мужчин в километры железных дорог, есть огромное душевное и физическое участие женщин. Пусть даже они работали в школах и детсадах, в клубах, магазинах или на почте. Они поддерживали мужчин в любых начинаниях. Белых рубашек добровольцы с собой не брали, потому что приехали трудиться в полную силу. Сомнений тогда не было. И какие могут быть сомнения в 20 – 25 лет? Было лишь желание работать.

На Севере совсем другой климат, первое время были фурункулы, раны долго не заживали. Но никого эти трудности не остановили, стыдно было возвращаться обратно домой. Школу комсомола прошли более 100 тысяч молодых людей.

Сегодня собрать воедино столько молодежи и отправить ее в тайгу уже вряд ли удастся. Она уже не та, им бизнес да рыночные отношения подавай. А жаль, что с ликвидацией ВЛКСМ в России так и не появилась организация, которая смогла бы объединить молодежь и сподвигнуть их на грандиозные порывы и стройки.

Это было время энтузиазма и молодости Евсеевых и их ровесников. Тогда большинство людей ехало за туманом и запахом тайги, чтобы доказать свою сознательность и патриотизм.

Сегодня часто ругают ВЛКСМ. Хотя именно благодаря его мощной силе были построены железные дороги, города, электростанции. К сожалению, нынешняя взрослеющая подростки практически ничего не знает о комсомоле, о той удивительной атмосфере, которая витала вокруг комсомольскихстроек.

Примерно на второй год работы все комсомольские ячейки поселка Могот объединили в одну организацию, выбрали актив. Александра Ключкова избрали комсомольским вожаком. Катя стала руководить культурно-массовой работой поселка и организовала театральные кружки.

Максиму было поручено вести в клубе фотокружок. Он там обучил много желающих заниматься фотографией. Он давал кружковцам теоретические знания и ходил с ними на природу закреплять их и применять на практике.

Потом проверял готовые работы ребят:

– Главное в фотографии – это вы сами. То, что вы собой представляете и что хотите и можете показать миру. Что для этого вам сейчас надо? Как вы думаете?

Поднималась гора рук:

– Наверное, идея? Надо все обдумать, проработать все ракурсы, точку съемки, задний план.

- Верно. Это важно. Еще что?
- Может, крутой фотоаппарат и объектив?
- Правильно мыслишь, Юра.
- Думаю, это композиция, соблюдение правил, фактуры и цвета.
- Тоже важные детали. Так почему же тогда, рассматривая ваши снимки, сделанные с соблюдением правил, у нас не всегда вздрагивает душа?
- Может, еще опыта у нас маловато? Или нет таланта.
- Талант есть у каждого небезразличного человека. И все же вы правы. Думаю, в этих снимках просто отсутствует ваше собственное мнение, влюбленности в этот кадр. Все вы сделали свои фотографии. У кого-то они получились лучше, у кого-то хуже.
- И у кого она получилась лучше всех?
- По моему мнению, самым достойным снимком оказался Юрын вид поселка, где на фоне тайги вырисовываются все его здания и даже видна труба котельной. На заднем плане фото ничто не отвлекает от основной идеи – показать поселок в своей красе. Передний план резкий и внушительный, а задний слегка размытый.

И этот эффект получился потому, что Юра правильно выставил на своем фотоаппарате глубину резкости. Вот мы и подошли к главному на данном этапе. И это ничто иное, как правильно выставленные на фотоаппарате выдержка, диафрагма и метраж. Когда научитесь этим премудростям, любой и всякий удивится вашему мастерству.

Теперь Катя часто посещает группу «Могот» в интернете и не перестает восхищаться снимками жизни и природы, сделанными бывшими учениками ее мужа. Росток любви к фотографии, посеянный им, пророс на годы!

Были и такие ученики, которые, научившись делать снимки, решили, что знают все премудрости фотодела. Они и о преподавателе стали отзываться нелестно, ставя свои умения выше его навыков. Но жизнь всегда всех ставит на место. Максим имел много заказов на съемки семейных праздников или детских фото. А эти умельцы только фотографировали свои собственные семьи.

Евсеевы никогда не были безразличными к событиям тех мест, где жили. Вместе с ними их друзья – Толик Чернышов, Саша Ключков и Олег Ермаков – с удовольствием участвовали в мероприятиях клуба. Без них не обошлось ни одного праздничного гуляния, вечера или утренника в клубе.

ПОДГЛАВА 7. АВАРИЯ НА МОГОТСКОМ УЧАСТКЕ

Жизнь бурлила в те годы на БАМе. Комсомольцы помогали руководству предприятий, организовывали досуг работников и их семей, устраивали субботники. И все это делали не за деньги или похвалу начальства. А просто ради улучшения жизни, чтобы потом в старости было, о чем самим вспомнить и чтобы о них

Как-то из-за проливных дождей поселок был отрезан от связи с объектами за его пределами.

У Евсеевых раздался телефонный звонок:

– Катя, у нас ЧП. Срочно собирай мужа, ждем всех мастеров и бригадиров в ОЭРП, – услышала Катя в телефонной трубке взволнованный голос начальника ПЧ. – на перегоне Чернышова водой размыло грунт у моста около Могота, он провалился вместе с локомотивом и почтовым вагоном в реку.

– Женщинам тоже собираться?

– Нет. Оставайтесь с детьми дома.

– Скорее поднимайся, – тормошила Катя мужа, – мост перед поселком с локомотивом и первым вагоном свалились в реку.

– Что же это за стихия такая? Только час назад вернулись с расчистки путей. И снова аврал, – возмущался Максим, натягивая на себя теплую одежду и прорезиненный плащ

Уже несколько дней лили дожди. Не было снабжения продуктами, вещами и прочими обязательными для нормальной жизни товарами и услугами. Не было связи. Железнодорожники всех околотков вместе с руководством дистанции пути без отдыха в течение пяти дней исправляли проделки стихии.

У Максима были ключи от всех инструментов строгого учета:

– Максим у нас человек ответственный, – сказал Ветерцов, – доверяю ему все ключи, потому что знаю, ничего не пропадет, и все путейцы будут обеспечены работой.

Молодежь просила разрешения сходить домой хотя бы обмыться и часок вздремнуть. Новый начальник дистанции Ветерцов говорил им:

– На том свете все вдоволь выспимся.

И никто не покидал места стихии до тех пор, пока не достали упавшие локомотив и вагон, и не пустили поезда по исправленным путям.

На митинге после исправления проделок стихии Ветерцов сказал:

– Всю нашу жизнь можно сравнить с банкой, наполненной под завязку теннисными мячиками. Если мы сначала заполним всю банку песком, – в ней не останется места для гальки и мячиков для игры в теннис. А если сыпать по очередности: сначала главное в виде шариков, потом второстепенное, то все поместится.

Когда мы потратим всё свое время и энергию на мелочи, у нас никогда не останется места для важных вещей. Надо жить здесь и сейчас, создавать семью, играть со своими детьми, заботиться о здоровье, посещать с любимыми места отдыха и ходить в ресторан.

Надо чувствовать себя молодыми. Тогда всегда найдется время на все: отдых, развлечения, друзей. Сначала все самое важное! Остальное – это песок. Неважно насколько полна наша жизнь, в ней всегда должно быть место, чтобы выпить пару чашек кофе с другом.

За свою бурную комсомольскую жизнь Катя пришла к интересному выводу. Много в нынешнее время изменилось. Что-то стало лучше. Что-то хуже. Сейчас родители пылинки сдувают со своих детей. Костями ложатся, чтобы у них было не хуже, чем у других. Молодежь к этому привыкает. И требует все больше. Родители им почему-то должны и обязаны. Они – лишь трамплин у них на пути к богатой и достойной, по их мнению, жизни.

Во времена социализма было все наоборот. Молодые уважали старших и помогали им. При этом чувствовали себя сильными и смелыми. В то время считалось: если хочешь, чтобы чадо не забыло о престарелых родных, было счастливым и здоровым, у него должен быть дефицит базовых благ: питания, одежды, игрушек. Только в условиях дефицита молодежь к чему-то стремится, оживает духовно и начинает чего-то добиваться своим трудом.

Иначе они становятся паразитами на иждивении родителей и стариков. Если им не ставить сложных жизненных задач, типа освоения целины, возрождения страны из пепла, или хотя бы стремления к постройке собственного дома для семьи, они хиреют, слабеют, начинают тосковать и переключаются на бессмысленное «украшение себя бусинками».

ГЛАВА 4. РАБОТА В ОРСЕ И НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. СУД

ПОДГЛАВА 1. ТРУД ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

В апреле 1980 года Катю приняли бухгалтером в ОРС. Специфика работы там отличалась от работы на промышленном предприятии, но она быстро ее освоила.

Софья Арсеньевна- главный бухгалтер – восседала в подвальном помещении соседнего дома, где находился в те дни отдел рабочего снабжения, как королева на престоле. Ее, как показалось Кате, боялись даже больше, чем начальника предприятия. Она умела преподнести себя так, что они видели ее самой главной.

В тот же день главбух отправила новенькую в составе ревизионной комиссии в продовольственный магазин, что поразил ее воображение в день приезда на БАМ.

Катя быстро вникла в азы ревизионного дела и также скоро закончила описывать порученный ей для ревизии участок. Она была довольна результатом. При этом не обратила внимания на замешательство среди продавцов и их просьбу снова пересчитать ящики с коньяком.

Она считала, что продавцы заинтересованы в правдивом результате. По совету председателя комиссии Катя согласилась на пересчет этого товара. При этом коньяка «Бренди» оказалось больше.

Она пожала плечами:

– Больше, так больше. Не будут же работники магазина сами себя обманывать?! И внесла изменения в ведомость.

В бухгалтерии были рады положительному результату ревизии. Катю похвалили. И ознакомили с должностными обязанностями и сроками представления отчетности.

Работа ей показалась интересной и несложной в сравнении с промышленным учетом. Там она с утра до вечера занималась документами, требующими ежедневного контроля. И не успевала справиться с ними в рабочее время.

Еще дома муж и дети помогали ей искать потерянные копейки. Бумажки, бумажки – даже ночами они не давали ей покоя. Здесь хватало времени и на работу, и на общение, и на бесконечные ревизии.

Правильные слова: не забирайся в воду, если не знаешь безопасного перехода. Досконально торгового бухгалтерского учета Катя не знала. Никто и не старался делиться его особенностями в этой сфере. И вскоре она попала в неприятную ситуацию.

У нее в ОРСе появилась приятельница- завмаг Валя, приехавшая в поселок из Дагестана. С виду она казалась честной и умной. А та, зная, что бухгалтер она новый и в торговле не знает многих нюансов, воспользовалась этим.

Получая муку по оптовой цене со склада в Тынде, она и приходовала ее по этой цене. А в магазине продавала по розничной. Разницу от этого присваивала. О мошенничестве кто донес в ОБХСС. Начались разборки и проверки.

Кате было стыдно, что она не знала о существовании в торговле разных цен, позволяющих торговым работникам прятать в собственном кармане кругленькие суммы. Завмаг же никакого стыда или угрызений совести не испытывала, считая это мелкой промашкой в работе, недоразумением. Она продолжала общаться с Катюшей, будто ничего не произошло, хотя, по сути, подставила ее.

Долго следователи вызывали Катю на допросы. Через несколько месяцев в этом же магазине проходила ревизия под руководством нового бухгалтера Зои. Сотрудники магазина с нею так же провели трюк с пересчетом ящиков с коньяком.

И все равно в этот раз всплыла на свет Божий недостача. После крупного разговора начальника ОРСа с коллективом магазина, продавщицы выскочили из кабинета раскрасневшиеся и злые. На момент Катиной прошлой ревизии недостача в этом магазине была около одной тысячи рублей. Теперь ее размеры увеличились примерно в десять раз.

И пустые ящики, поставленные между наполненными коньяком ящиками с «Бренди», уже не смогли скрыть ее. Завмага после длительных разборок перевели в контору с окладом еще большим, чем, когда она работала в злополучном магазине. Но это были только цветочки. Впереди всех ждали ягодки. Как говорится, дальше пошло еще хуже.

Одной из подотчетных Кате торговых точек в поселке был магазин завмага Галины Алексеевны. Это была черноволосая женщина плотного телосложения. Кроме основной работы, она активно занималась еще и профсоюзной. В те времена весь дефицитный товар распределялся между профсоюзными организациями поселка, а потом выдавался очередникам.

Завмагу постоянно не хватало времени на качественную подготовку и сдачу еженедельных отчетов. Учет движения тары она вообще не вела, считая этот участок работы маловажным. Кате заранее приходилось напоминать Галине о необходимости выполнить свою работу в срок.

Документы она оформляла плохо и не вовремя визировала их у начальства. Наблюдались помарки, ошибки при подсчете и просто всякого рода описки. Если, конечно, это можно назвать недочетами и описками.

Нелегко работалось Кате с этим подотчетным лицом. Ей приходилось по многу раз возвращать завмагу отчеты на доработку. Иногда, устав бегать за ней, она составляла их сама.

Однажды из-за несданного декадного отчета по этому магазину Катя оказалась в числе лиц, задерживающих составление сводной ведомости по ОРСу. Начальство требовало от бухгалтеров сдачи сводной ведомости заместителю главного бухгалтера. А его задерживала Галина:

– Ну, чего ты, Катя, ругаешься. Ты ведь не злая. Вот подпишу отчет у всех специалистов. И он будет лежать у тебя на столе.

– Галина Алексеевна, ну, ускорьте это дело. Меня ведь тоже ругают.

Наконец, она его принесла. В одном из документов не доставало визы начальника. Он был в отпуске:

– Галина Алексеевна, дорогая, тут ведь нет визы начальника. Убирайте неподписанный акт из отчета. А лучше ищите начальника или его заместителя.

Завмаг схватила в охапку свои документы и пошла к «царице бухгалтерии» – главбуху Софье Арсеньевне. Они долго шептались, потом Софья подняла свою царственную голову над столом:

– В общем, Катя! Прими отчет от Галины Алексеевны в таком состоянии, какое у него сейчас. Как только начальник возвратится из отпуска, она обещает подписать у него акт. А я прослежу за этим. Члены комиссии не зря, думаю, поставили подписи под ним. Они подтверждают правдивость документа.

Кате пришлось подчиниться своему начальнику.

Тут в бухгалтерии начался квартальный отчетный период. Все бухгалтера корпели над документами, подсчитывали, сличали, оформляли, сдавали начальству.

В эти же дни к их торговому кусту присоединили торговые точки всего района. Работой были завалены все отделы. А бухгалтерии в таких случаях достается больше всех.

Галина Алексеевна о недоделках в отчете прошлого месяца забыла. В отделе тоже было не до ее ошибок

Максим уже месяц был в Грозном, не успевал завершить подготовку к защите диплома. И попросил Катю приехать к нему на помощь.

Она подошла к главбуху:

– Софья Арсеньевна, можно мне взять отпуск за два года? Максим заканчивает техникум в Грозном. Ему нужна помощь.

– Доделаешь все дела, Катя, и можешь отправляться к мужу, – согласно кивнула та, не поднимая глаз от кипы документов перед собой. Бухгалтерия была удивлена такой щедростью Софьи.

Возле Катиного стола тут же возникли знакомые фигуры.

С Зоей с самого начала работы в ОРСе сложились наиболее дружеские отношения.

– Ты глянь, как Софья раздобрилась, – удивилась она, – даже отпуск дала. Что-то здесь не так. Если что, я в курсе ее обещания проследить за актом Красночубихи.

Римма Николаевна хмыкнула:

– Да ладно вам. Разве это впервые, когда акты проводятся, а подписываются, когда появляется начальство. У начальника ведь какая работа? То в один поселок надо ехать, то в другой. Торговых точек много, а он один. Я работаю здесь чуть больше вас. И не такое видела. Думаю, все обойдется. Вы ведь знаете, Софья привяжется, не отстанет, пока не добьется результата. Я тоже была свидетелем, что ты пропустила акт по ее указанию.

Сказав это, Зоя и Римма Николаевна заспешили к выходу из ОРСа. Зоя обещала пожилой женщине показать в модном журнале новую вязку для шарфов. Она жила рядом с конторой. И могла в любое время незаметно сходить домой. Римма Николаевна хоть и была в предпенсионном возрасте, следила за своим здоровьем и внешностью. Нередко можно было увидеть ее бегающей на лыжах и в спортивном костюме по сопкам.

ПОДГЛАВА 2. КАТЯ С ДЕТЬМИ ЕДЕТ В ОТПУСК. СНОВА БАМ И ЗЛОПОЛУЧНАЯ РЕВИЗИЯ

Через три дня, оставив подругам бутылку шампанского и большую шоколадку для разглаживания пути на Кавказ, Евсева с поклажей и двумя детьми сидела в госбанке в ожидании денег на поездку. Она закрыла целевой вклад, где ежемесячно накапливалась сумма на покупку машины. Такая вот поблажка была на БАМе.

Так как Катя с детьми уже опаздывала на регистрацию в аэропорт, она в спешке, засунула полученные деньги в задний карман брюк. И, держа сумки и детей за руки, бегом отправилась к трассе, где поймала такси.

В самый последний момент регистрации они подбежали к нужной стойке, заслуженно выслушали немало нелестных слов:

– Девушка, вы что, не видите, регистрация уже закончена?! Досидятся до последнего момента. И нам покоя потом нет. Вот возьму сейчас и не пропущу вас на самолет. Впредь неповадно будет опаздывать.

– Ну, пожалуйста. Я с детьми в госбанке задержалась. С самого его открытия счет закрывала. Там всегда долго все делается.

Пассажиры возле стойки стали тоже упрашивать зарегистрировать Евсеевых:

– Я два месяца назад тоже была в такой же ситуации. В банке ведь пока все не проверят, деньги не выдадут. Вы же знаете, что мамы с детьми всегда раньше других стараются прибыть. Значит, что-то им точно помешало.

– А мне вообще не выдали. Сами сделали ошибку в отчестве, и тянули резину два дня, пока не выяснился виновник ошибки. Войдите в положение девушки. Пожалейте малых деток.

– Ладно, давайте, документы. Миша, проводи опоздавших к трапу.

До самолета добирались бегом. И вот он уже в воздухе. Дети прильнули к иллюминатору. Они восторженно комментировали все, что видели через него.

Лайнер уже поднялся на требуемую высоту. Еще немного времени Евсеевы любовались облаками через него. Потом задремали. Путь предстоял нелегкий. До Москвы оставалось несколько тысяч километров.

Проснулись от шума в салоне. По пролету между сиденьями стюардессы развозили обед на каталках. Ваня и Марина впервые летели на большом лайнере с обедами и прочими интересными вещами. Они с удовольствием наблюдали за раздачей обеда пассажирам.

Катя почувствовала необходимость посетить туалет, что находился в хвосте самолета. Она поднялась с места и направилась в его сторону. Уже почти в конце лайнера ее поймал за руку один из пассажиров:

– Девушка, спрячьте деньги подальше, они у вас вот-вот выпадут из кармана.

Ее не просто обдало жаром, а пронизало им через все тело. Она машинально сказала мужчине:

– Спасибо.

И вытащила кипу ассигнаций, напололам свисающую из заднего кармана. Тело покрылось холодным потом, липким и противным.

Она совсем забыла, что спрятала деньги в карман. И если бы мужчина не напомнил ей об этом, не за что было бы в Москве покупать билеты, не на что жить в гостях. И не было бы денег на обратную дорогу.

Наплакавшись вдоволь и приведя лицо в порядок, Катя вернулась на место рядом с детьми, притихшая и успокоенная. Дети не должны знать, что их мама растяпа.

В Новосибирске пассажиров высадили. Некоторое время они скучали в аэропорту. Самолет заправили горючим. Через несколько часов их снова позвали на посадку. За время заправки кто-то ходил в ресторан, кто-то прошелся по прилегающей к аэропорту территории.

Катя из-за боязни отстать от рейса постоянно находилась в зале ожидания, снабдив детей альбомами и фломастерами, купленными прямо в аэропорту. Те всегда с удовольствием рисовали. И теперь спокойно ожидали посадки, не доставляя никому проблем. Младшая дочь была в интересном возрасте и обладала таким магнетизмом, что знакомые пассажиры принесли из ресторана ей с братом по шоколадке.

В Москву прилетели рано утром. Соседи по самолету прощально помахали Маришке рукой. И уехали в город на такси. А Евсеевы оказались в тупике. В Грозный билеты были распроданы на два дня вперед. Несколько дней провести в аэропорту с маленькими детьми Кате показалось невыносимым. Она дошла до начальника аэропорта, но добилась вылета с детьми до Мин-Вод.

Когда вылетали из Тынды, было -18 градусов. В Москве уже +6, а в Мин-Водах – все +30. И палящее солнце. Пришлось снять с себя теплые вещи.

В Грозный семья прибыла уже к вечеру. О своем вылете Катя никому не сообщала. И правильно сделала. Их ждали бы в аэропорту, а они приехали бы автобусом. Да и с детства не любила она, когда родные встречали ее в аэропорту или на вокзале. Ее коробили общепринятые в таких случаях фразы:» Мы так ждали». Понятно и без слов, что ждали. Катю смущали общие фразы даже при желании сделать приятное собеседнику.

Пока она с детьми добиралась до Черноречья, где у родителей остановился Максим, заметила изменения в облике родной столицы республики. Появились новые многоэтажные дома по проспектам Ленина и Орджоникидзе. В трамвае пассажиры говорили, что каждый шестой житель города получил новое жилье взамен ветхого. Город сильно похорошел и стал выглядеть более цивилизованным.

За окном трамвая, который уже подъезжал к конечной остановке, накрапывал дождь. От этого город казался особенно чистым, но с размытыми, слегка затуманенными контурами. Сумрак сгущался, отблески заката догорали на небе. В воздухе ощущалась свежесть и витали весенние ароматы просыпающейся зелени.

Катя волновалась. Всегда при возвращении домой за поворотом дороги ее глазам открывалась крыша ее дома, выглядывающая из-за крон деревьев. Сердце тогда колотилось и наполнялось радостью.

В Грозном она провела около месяца с мужем и его талмудами. Когда уже наметился конец его приготовлениям к защите дипломной работы, то с детьми уехала в родной поселок на БАМЕ. С ними вместе поехала и Катина мама. В Грозном весь месяц была жара, цвели цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.